ВСЕ ДВЕРИ, КРОМЕ НАШЕЙ

НОРМАН ОЛДМАН

Норман Олдман

Все двери, кроме нашей

«Автор»
2026

Олдман Н.

Все двери, кроме нашей / Н. Олдман — «Автор», 2026

Ханна Мерсер узнаёт дочь по тому, как та проверяет карманы. На записи с соседской камеры девочка стоит на крыльце в жёлтом дождевике и держит зелёную тарелку со сколом. Сосед говорит, что запись сделана вчера вечером. Уилла погибла пять лет назад.Адам тоже узнаёт дочь. На другой записи Ханна замечает знакомый жест. А соседка рассказывает, что помнит о том вечере, и Ханна начинает сомневаться в том, что знала о последних часах Уиллы.Девочка появляется у чужих дверей. Чтобы понять, что случилось в тот вечер, Ханне придётся снова поговорить с людьми, которым она привыкла верить. И с Адамом тоже.

© Олдман Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тарелка 5
Глава 2. Не пересылай 9
Глава 3. Почти белый 13
Глава 4. Снаружи 17
Глава 5. Показание 22
Глава 6. То, что сохраняется 26
Глава 7. Чужая запись 30
Глава 8. Восемь номеров 36
Глава 9. Лестница Хейл 41
Глава 10. Не тот ответ 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Норман Олдман
Все двери, кроме нашей

Глава 1. Тарелка

Ханна узнала дочь по тому, как та проверяла карманы.

Сначала правый, дважды, ладонью снаружи. Потом левый, хотя ключа там никогда не было. Уилла не доверяла карманам. Ханна помнила, как злилась на эти хлопки перед выходом из машины, когда уже опаздывала на смену.

Аарон Белл держал телефон между ними. Большой палец закрывал нижний угол экрана.

— Убери руку, — сказала Ханна.

Он убрал всю руку, едва не выронив телефон. Она перехватила его за запястье и сама взяла аппарат.

Девочка стояла на крыльце Аарона. Свет над дверью делал её лоб желтоватым, почти такого же цвета, как дождевик. Капюшон был откинут. Мокрые волосы прилипли к щеке. В руках она держала тарелку, прижав к животу, — ту самую зелёную тарелку с белым сколом, которую Аарон приносил на общие ужины.

Уилла повернулась вполоборота. В кадр попал левый локоть, огромная складка рукава. Она ткнула застёжкой дождевика себе в подбородок и сказала:

— Мама велела вернуть. Перца там больше нет.

Ханна услышала смешок: короткий выдох через нос. Уилла знала, что шутит плохо, и всё равно ждала, когда засмеются.

— Включи звук, — сказала Ханна.

— Он включён.

Она уже слышала голос. Просьба вылетела прежде, чем она успела её понять.

На экране девочка подняла взгляд к двери. Камера была ниже её лица, рядом с кнопкой звонка, и от этого Уилла казалась чуть старше. Она переступила с ноги на ногу, положила большой палец на скол тарелки.

В коридоре Ханны запищал таймер. Две минуты назад она поставила в микроволновку кофе. Аарон пришёл, когда она вытаскивала мусорный бак к обочине. Сейчас бак стоял поперёк дорожки, крышка была открыта, а телефон она держала так близко, что верх дождевика распадался на квадраты.

— Это откуда?

— С моей камеры.

— Когда?

Аарон не ответил сразу.

Она опустила телефон. На нём появилась её собственная тёмная фигура, отражённая в стекле.

— Аарон.

— Вчера. Восемь одиннадцать. Я проверял сегодня, там дата…

— Не когда ты нашёл. Когда снято?

— Вчера, Ханна.

Она снова подняла экран. Запись закончилась. Уилла ушла вправо, за край кадра. Там была глухая сторона крыльца, после которой ступенька вела к дорожке. Ханна знала это место. Летом она отдала Аарону два мешка мульчи и протащила их именно там, мимо поручня с отставшей краской.

Уилла умерла пять лет назад. Её нашли ниже водоотвода утром, когда дождь кончился. Ханна видела дочь в больнице, и Адам был рядом. Это не была история о ребёнке, которого похоронили в закрытом гробу по чужому слову.

— Покажи сначала.

Аарон взял телефон, коснулся экрана и вернул ей.

Сначала крыльцо было пустым. Белый пластиковый стул, обрезанный край коврика, горшок с засохшими бархатцами. Из темноты справа появилась жёлтая складка. Девочка поднялась на площадку, удерживая тарелку обеими руками.

У Ханны напряглись пальцы ног внутри туфель.

Она знала этот дождевик. Купила в марте с расчётом ещё на год, и к октябрю рукава всё ещё приходилось подворачивать. На левом была тёмная полоска от велосипедной цепи. На экране полоса то появлялась, то сливалась со складкой. Ханна не могла решить, видит ли её на самом деле.

— Кто это тебе прислал?

— Никто. Это моё приложение.

— Может, старое?

— Камеру я поставил позапрошлым летом.

Он сказал это тихо. Не как доказательство. Скорее как неприятную вещь, которую вынужден был положить перед ней рядом с телефоном.

Таймер снова пискнул. Из кухни тянуло перегретым кофе.

— Пойдём внутрь, — сказала Ханна.

Она переступила через край бака. Аарон пошёл следом, придерживая крышку, чтобы не ударилась. Этот ненужный жест почти разозлил её: дочь стояла у его двери, а он всё ещё умел следить, чтобы мусорный бак не хлопал.

В кухне Ханна положила телефон на стол. Села. Встала и выключила микроволновку, хотя та уже не работала.

— Ты был дома?

— Нет. Ездил к Лиаму. У них в колледже концерт.

— А когда вернулся?

— Около половины двенадцатого. Уведомление увидел, когда поставил телефон заряжаться. Сначала подумал, кто-то из детей Уордов. Потом посмотрел ещё раз.

— У них нет детей.

— Я знаю.

Аарон остался у двери, в куртке. Ханна указала на стул напротив.

Он сел, но не расстегнулся.

— Почему ты не пришёл сразу?

Аарон посмотрел на её кружку, потом на телефон.

— Я не знал, как прийти с этим ночью. Вышел на улицу. Посмотрел у себя сбоку, дошёл до поворота. Никого. Позвонил в полицию, по обычному номеру. Сказал, на камере ребёнок, запись уже несколько часов назад. Спросили, вижу ли его сейчас. Я сказал, что нет.

— Ты сказал, кто это?

— Сказал, что похожа на Уиллу. Мне предложили оставить запись. Я оставил имя и адрес.

Она представила чужую кухню, Аарона в куртке с телефоном у уха. Человека на другом конце линии, который должен был выбрать, куда записать такой звонок.

— Лиам видел?

— Нет. Никому не отправлял.

— Отправь мне.

Он потянулся к аппарату.

— Только само видео. Не снимай экран. Можно само?

— Должно быть. Я никогда не выгружал.

Ханна придвинула телефон к нему. Ей пришлось разжать пальцы по одному.

Аарон открыл меню. В нём были значки, которых она не знала. Он ошибся, вернулся назад, нечаянно включил прямой эфир. На экране появилось пустое крыльцо в утреннем свете. Ааронова тень от столба лежала поперёк плитки. Ханна наклонилась вперёд.

У горшка была та же отбитая кромка. Коврик лежал по диагонали. На записи с Уиллой белел маленький конверт, зажатый под ножкой стула. Сейчас его не было.

— Это вчерашняя реклама, — сказал Аарон, заметив её взгляд. — Достал, когда домой пришёл. Средство от водостоков или что-то такое.

— Не выбросил?

— Выбросил.

— Достань.

Он поднял глаза.

— Хорошо.

Она слышала, что просит странные вещи. Но конверт можно было взять в руки. Можно было проверить бумагу, дату, всё что угодно, кроме лица.

На её телефоне загорелось сообщение от Бет: «Ты в среду после четырёх свободна? Нужен человек с машиной и без совести».

Обычно Ханна ответила бы, что совесть оплачивается отдельно. Она закрыла сообщение. Открыла снова, чтобы не забыть, что должна ответить сестре.

Аарон нашёл кнопку загрузки. Синяя полоска медленно прошла по нижнему краю.

— У меня на карточке, — сказал он. — Здесь, в самой камере. Облако я не оплачивал.

Ханна кивнула, хотя ещё не понимала, что это меняет.

Когда файл пришёл, она открыла его на своём телефоне. Уилла оказалась меньше: другой экран, другое положение рук. Ханна прибавила громкость.

«Перца там больше нет».

Голос ударил сильнее, чем лицо. В памяти он стал за пять лет мягче и младше, чем был. Настоящий голос — если это был он — чуть хрипел, потому что Уилла вечно кричала через улицу вместо того, чтобы подойти. Ханна вдруг вспомнила, как девочка пела в ванной с набитым ртом и сердилась, когда мать требовала выплюнуть пасту.

Она выключила запись.

Аарон сидел неподвижно. Только молния куртки медленно сползала вниз от натяжения.

— Зелёная тарелка у тебя осталась? — спросила Ханна.

Он медленно кивнул.

— Наверное. Я проверю.

— И вчера ты её никому не давал?

— Нет.

Из открытого окна донёсся лязг металла. На повороте Брайар-лейн рабочие переклады-вали ограждения. Ханна вспомнила жёлтый лист, который сунули под дверь в пятницу: ограни-ченный доступ к задней служебной полосе, работы по водоотводу, убрать машины. Она исполь-зовала лист, когда отмывала землю с цветочного горшка.

Аарон тоже повернулся к окну.

— Они с семи начинают, — сказал он. — Вчера ещё раньше приехали.

Ханна посмотрела на часы. Семь двадцать восемь. Её смена сегодня начиналась в один-надцать; до выхода оставалось больше двух часов. Эти два часа казались невероятной, почти постыдной свободой.

— Ты можешь пока ничего не удалять?

— Конечно.

— И никому не пересылать.

Он кивнул.

— Мне надо позвонить Адаму.

Аарон встал так быстро, словно ждал разрешения уйти. У двери обернулся.

— Ханна, я не говорю, что это…

— Я знаю.

Она не знала. Не знала даже, что именно он собирался отрицать. Но ей нужно было, чтобы он перестал говорить на эти несколько секунд.

После его ухода она выбрала номер Адама. Шли длинные гудки. Наверху трубы отопления щёлкали в стене. Ханна смотрела на пыль под батареей, которую замечала каждый вторник и всякий раз решала убрать в выходные.

— Привет, — сказал Адам. На заднем плане гремела вентиляция. — Что случилось?

Она открыла рот.

За пять лет им столько раз звонили из-за чужой ошибки: пришло школьное письмо, нашли старую фотографию, вспомнили о дереве, посаженном в память Уиллы. Каждый раз приходилось сначала сказать, что никто не умер ещё раз.

— Мне Аарон кое-что показал.

Вентиляция стала тише. Адам отошёл куда-то с телефоном.

— Что?

Она могла отправить файл. Переложить на него первые секунды, пока сама сидела бы и ждала. Ханна увидела его таким, каким он был утром в больнице: у него не получалось снять куртку, рукав зацепился за часы, и он всё тянул, пока она не помогла.

— На записи девочка, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты приехал и посмотрел со мной.

— Ханна.

В её имени уже было предостережение. Она закрыла глаза.

— Сначала приезжай.

— Через полчаса.

Он не спросил, какая девочка.

Ханна положила телефон экраном вниз. Взяла кружку, обожглась о ручку, поставила обратно. Потом вернула телефон как лежал и включила запись без звука.

В правом верхнем углу менялись секунды. Восемь одиннадцать. Девочка ждала перед чужой дверью, придерживая тарелку за знакомый скол.

Ханна дождалась конца и не включила снова. Вместо этого она подошла к собственной двери и открыла её.

На крыльце лежал лист платана. Внизу, на второй ступеньке, остался след от бака, который она протащила по сырой доске. Дальше была дорожка, пустая улица и Аарон, стоявший у своего мусорного контейнера с помятым конвертом в руке.

Она оставила дверь открытой, пока ждала Адама.

Глава 2. Не пересылай

Адам приехал в рабочей машине. Ханна услышала, как он заглушил двигатель, а потом ещё несколько секунд сидел за рулём: боковую дверь обычно открывали снаружи, и без его рук инструменты не гремели.

Он вошёл, постучав костяшками в открытую дверь.

— Я один, — сказал он.

Она не спрашивала. Он всё ещё сообщал это, когда приезжал наспех: никто не ждёт внизу, можно не торопиться.

Снял ботинки, хотя она давно перестала требовать, чтобы разувались. На правом носке темнело влажное пятно. Ханна подумала, что машина опять течёт со стороны пассажира, потом увидела его лицо и забыла об этом.

Она положила телефон перед ним.

— Это файл. Аарон прислал при мне. Снято, по его словам, вчера вечером.

Адам отодвинул стул, сел. У него были новые очки в тонкой металлической оправе; Ханна видела их всего раз. Он надел их, снял и протёр край стекла футболкой.

— Ты смотрела сколько раз?

— Не считала.

Он коснулся треугольника на экране.

Ханна смотрела на него. В первую секунду Адам сдвинул подбородок вперёд, будто не расслышал. Потом опустил руку под стол. Она знала, что он упёрся ладонью в колено: так он сидел на родительских собраниях, когда хотел перебить учителя и не перебивал.

Дошло до тарелки.

Адам остановил запись.

— Продолжи, — сказала Ханна.

Он включил. Уилла произнесла про перец. У Адама шевельнулся рот. Звука не было.

После конца он долго смотрел на неподвижное изображение стула.

— Пришли мне.

— Посмотри ещё раз здесь.

— Ханна, пришли файл.

Ей не понравился его голос. Она тем не менее переслала. На телефоне Адама завибрировало уведомление; он положил аппарат рядом с её телефоном и сравнил начало обеих записей, словно разница могла обнаружиться между двумя кухонными приборами.

— Камера действительно его?

— Да.

— Сколько у него стоит?

— С позапрошлого лета.

— Это он сказал?

— Адам.

Он поднял на неё глаза.

— Я должен спросить.

Ханна подошла к раковине. В чашке лежала чайная ложка, на которой засохла капля мёда. Она включила воду и поднесла ложку под струю. Мёд не отходил. Она потёрла его пальцем, слишком сильно прижав к острой кромке.

— Можно спросить так, будто я тоже умею слышать ответы.

— Хорошо.

Адам убрал оба телефона со стола, чтобы на них не попали брызги. Сделал это одним движением, привычно, как когда-то отодвигал Уиллин локоть от стакана.

— Я узнаю её, — сказал он. — Я не знаю, как это сделано. Но я её узнаю.

Ханна перекрыла воду.

У неё не было приготовлено слов для этого ответа. Все, которые она успела выстроить, предназначались для спора.

— Там полоска, — сказала она наконец. — На рукаве.

Он посмотрел на экран.

— Здесь не разобрать.

— Я знаю.

— И голос…

Он не закончил.

За окном Аарон шёл вверх по улице с пакетом. Ханна помахала ему, но тот уже поворачивал на её дорожку. На этот раз он не звонил, просто остановился перед открытой дверью и поднял пакет.

В нём были зелёная тарелка и мятый рекламный конверт.

Аарон выложил их на стол. Тарелку он завернул в кухонное полотенце, которое оказалось покрыто мелкими коричневыми утками.

— Лежала наверху, с праздничной посудой, — сказал он. — Даже не помнил, куда убрал.

Скол был на месте. Ханна провела по нему подушечкой пальца.

— Ты её давно доставал?

— На Рождество, наверное. В прошлом году. Мог позже.

Он посмотрел на Адама.

— Я не знаю, что вам сказать.

— Вчера в это время у тебя кто-нибудь мог быть? — спросил Адам.

— Нет. Лиам со мной, у соседки ключа нет. Уборщица по пятницам, но она звонит перед тем, как приехать.

— Я про девочку на крыльце. Могла прийти девочка?

Аарон выпрямился.

— Могла. Именно поэтому я сначала позвонил. Я не говорил, что видел… Я был не здесь.

Он повторял эту фразу уже второй раз, и Ханна поняла, что её надо остановить.

— Спасибо за тарелку. Можно, она сегодня побудет у меня?

— Возьмите насовсем.

— Сегодня, Аарон.

Он кивнул.

Адам попросил показать приложение и то, что сохраняется до появления фигуры и после. Аарон переставил стул к нему. Они склонились над экраном, оба в куртках, и Ханне впервые за утро захотелось снять свою рабочую кофту: в кухне стало душно.

Запись вокруг события тянулась дальше, чем короткий файл. До прихода девочки по дорожке пробежал кот. После ветка бархатцев шевельнулась от порыва. Свет у двери не мигал. Аарон перемотал ещё назад. На экране выросла синяя машина доставки, потом снова пустое крыльцо.

— Не двигай часы, — сказала Ханна, когда Адам открыл настройки времени.

Он отдёрнул палец.

— Я только смотрю.

— Я поняла. Просто не двигай.

Счётчик в прямом эфире шёл почти вровень с её телефоном. Адам записал на рекламном конверте время обоих экранов и название камеры. Почтового штемпеля на нём не было.

В обычное утро она бы рассмеялась над тем, как Адам теперь всё записывает. У него никогда не было ручки, когда надо было подписать квитанцию, зато винты и шайбы находились в любом кармане. Сегодня ручка оказалась у него сразу.

— Можешь сохранить минут пять до и после отдельно? — спросил он Аарона. — И не переименовывать то, что уже скачал.

— Могу попробовать.

— А саму карточку лучше пока не вытаскивать, — добавила Ханна.

Оба повернулись к ней.

Она посмотрела на тёмный прямоугольник своего телефона. Никакого основания ждать следующей записи у неё не было. Но камеру, которая могла бы её получить, она выключать не собиралась.

— Пусть работает, — сказала она.

Адам медленно кивнул.

Аарон сохранил длинную запись. Ханна пометила, какой файл получила; из динамика опять раздался знакомый голос. Аарон выключил звук без её просьбы.

Когда он ушёл, Адам задержался в дверях.

— Сегодня надо найти человека, который знает, что с этим делать.

— Кого?

— Я не знаю. Сначала узнать.

— Хорошо.

Он потянул молнию вверх. Она заела у самого подбородка.

— Только не выкладывай это, — сказал он.

— Я и не собиралась.

— Даже в группу улицы. Пожалуйста.

Ханна снова услышала, как Уилла смеётся через нос. В группе улицы писали о неправильно припаркованных машинах и о том, кто одолжил синий удлинитель. У дочери не должно было оказаться места между этими сообщениями.

— Я поняла.

— И если кто-нибудь предложит сделать чётче лицо…

— Я не просила.

Он убрал руку от молнии.

— Хорошо. Позвоню после следующего вызова. Если ты не пойдёшь на работу, скажи мне.

— Я пойду.

Одна из вещей, которые она ненавидела после смерти Уиллы: необходимость сообщать окружающим, справится ли с обычным вторником. Часто не справлялась. Чаще справлялась, и это почему-то тоже требовало объяснения.

Адам встал на крыльце, посмотрел вниз улицы, на своё отражение в боковом стекле машины. Потом вернулся на полшага.

— Перец был в запеканке, — сказал он. — У Белла. Ты выковыривала ей кусочки. Она говорила, он скрипит.

Ханна помнила.

Она хотела спросить, в какой именно день это было, но Адам уже дошёл до машины. Она не стала звать.

В десять двадцать позвонила Бет.

— Так насчёт машины. Есть проблема: стулья ужасные, но бесплатные. Пекарня закрылась, надо вывезти до четверга.

Ханна стояла у стола, пытаясь убрать зелёную тарелку в шкаф. Та не помещалась между двумя дверцами, и ей приходилось поворачивать её боком.

— Не убирай пока, — сказала Бет.

— Что?

— Ты что-то двигаешь. Я слышу. Потом будешь десять минут искать телефон в холодильнике. Ты можешь завтра?

— Могу, наверное.

Она поставила тарелку обратно на стол.

Бет помолчала.

— Что случилось?

Ханна посмотрела на файл. Ей не пришлось открывать его, чтобы увидеть, как Уилла перекладывает тарелку из руки в руку.

— У тебя же был человек, который помог с записями, когда у вас залили склад.

— Лия. Она не наша, страховая… Подожди. Какие записи?

— С камеры.

— У тебя?

— У соседа. Мне нужно, чтобы кто-то посмотрел. Пока без пересылок.

Ханна услышала, как Бет прикрыла ладонью микрофон и что-то сказала в сторону. Когда вернулась к разговору, в голосе пропала вся деловитость.

— Я могу приехать.

— Мне на смену. А ты узнай, пожалуйста, можно ли проконсультироваться. Платно. Я не прошу никого бесплатно сидеть.

— Ханна, про что запись?

Ей надо было ответить. Она сама позвонила бы Адаму ещё раз, если бы он начал говорить о камере и не объяснил зачем.

— Там девочка, похожая на Уиллу.

За стеной тихо загудел холодильник.

— Я не буду говорить тебе, что ты должна подумать, — добавила Ханна. — Просто узнай про человека.

— Узнаю.

Бет не стала спрашивать, насколько похожая. За это Ханна была ей благодарна.

Перед выходом она убрала тарелку в духовку, где та могла лежать одна и не бросалась в глаза. Потом вытащила. Если вечером понадобятся горячие бутерброды, она забудет и включит нагрев.

В конце поставила её у задней двери на низкую полку, рядом с пакетом лампочек, которые собиралась сдать в магазин.

Телефон завибрировал, когда она уже проверяла ключ в правом кармане.

Прия Шах: «Ты ещё дома? Мне нужно показать тебе нашу камеру. Приходи одна, пожалуйста. Ана ещё здесь».

Глава 3. Почти белый

У Шахов перед дверью лежал новый коврик: длинный, на всю ширину крыльца. Старый, с выцветшим ананасом, торчал из садовой тележки возле гаража. Ханна узнала его прежде, чем вспомнила, что именно видела у Аарона.

Дверь открыла Ана. Когда умерла Уилла, Ане было одиннадцать; теперь она была выше матери и смотрела на Ханну с той вежливой осторожностью, которой подростки иногда пользуются вместо привычной насмешки.

— Мама на кухне.

В доме пахло поджаренным хлебом и лаком для ногтей. На подоконнике стояли четыре одинаковые маленькие бутылочки. Ана села на нижнюю ступеньку лестницы и начала надевать кроссовки.

Ханна собиралась спросить про школу, но не смогла подобрать вопрос, на который не хотелось бы ответить «нормально».

Прия ждала у стола. Перед ней лежал планшет. Она кивнула на стул, как начальник, которому надо закончить трудный разговор до обеденного перерыва.

— Аарон прислал мне утром сообщение. Спросил, не было ли вчера у нас маленькой девочки. Он не прислал, что снял. Только спросил.

— Что ты ему ответила?

— Что нет. Потом Ана сказала, что на нашей камере тоже был ребёнок. Она вчера видела уведомление, но не открыла. Решила, опять раздают рекламу.

Ана на лестнице дёрнула второй шнурок слишком резко. Кроссовок стукнул по деревянной ступени.

— Я обычно смотрю, — сказала она.

Прия не повернулась.

— Я не обвиняю тебя.

— Я знаю.

— Тогда езжай. Ты опоздаешь на автобус.

— Он через семь минут.

— И тебе идти четыре. Справку от ортодонта возьми. Езжай, пожалуйста.

Ана застегнула рюкзак, взяла с подоконника одну бутылочку лака и убрала в боковой карман. У двери посмотрела на Ханну.

— Там плохо видно. В смысле, не лицо. Не очень.

— Хорошо, — сказала Ханна.

Это был бессмысленный ответ, и Ана слегка кивнула, будто смысл всё-таки нашёлся.

После хлопка двери Прия развернула планшет.

— Я сначала посмотрела одна. И ещё раз, прежде чем тебе написать. Ты можешь не смотреть сейчас.

Ханна нажала на экран.

Изображение было чёрно-белым. На ступеньках светилась грязная полоска по краю ананасового коврика. Девочка стояла боком, капюшон сполз на шею. В отличие от записи Аарона, здесь не было возможности сперва принять лицо и лишь потом искать подтверждения. Виднелись щека, край уха и рука, прижавшая что-то к горлу.

Уилла держала зубами верх дождевика.

Она делала так, когда обе руки были заняты. Ханна грозила, что однажды зуб застрянет в молнии, и Уилла всякий раз проверяла молнию, чтобы доказать невозможность этого.

На записи девочка отпустила застёжку.

— Тут опять выскочило, — сказала она.

Голос был тоньше, чем у Аарона, с металлическим призвуком.

У Ханны отпустило плечи. Не от облегчения: она только сейчас заметила, как высоко их подняла.

Девочка поднесла что-то к двери, будто хотела показать человеку по другую сторону. Потом спустилась на одну ступеньку и снова поднялась. Всё это занимало меньше минуты.

В верхнем углу было написано: 21:15.

— В девять? — спросила Ханна.

— Наверное. Я не знаю, правильно ли там выставлено время. У нас после одной настройки всё было на час вперёд, Рави собирался исправить. Не хочу сейчас лезть и менять.

Ханна открыла заметку в телефоне и записала цифры как на экране. Рядом поставила вопросительный знак.

Прия следила за её рукой.

— Ты уже кому-то показывала?

— Адаму. Бет знает, но не видела.

— Аарон сказал, полиция в курсе.

— Он звонил ночью.

— Нам тоже надо позвонить?

— Не знаю.

Они посмотрели друг на друга. Ханне вдруг стало легче от этих двух слов, сказанных ею вслух. Не надо было уже сейчас решить, как поступил бы нормальный человек с двумя записями собственного мёртвого ребёнка.

— Мне нужно у тебя это взять, — сказала она. — Сам файл. Как Аарон прислал. И всё вокруг, если там есть. Только не через группу.

Прия кивнула.

— Сначала я скажу одну вещь. Ничего из того, что Ана увидела или не увидела на телефоне, не должно стать…

— Я не стану её ни о чём спрашивать.

— Я не только про тебя. Если это выйдет наружу, кто-нибудь решит, что ей следовало выбежать на улицу. Увидеть. Снять лучше. Что-нибудь.

— Я понимаю.

Ханна посмотрела на пустую лестницу. В одиннадцать лет Ана умела заплетать Уилле две косички и потом вымывала из собственной расчёски блестящий клей. В шестнадцать она уже знала, как осторожно разговаривать с матерью умершей подруги. Этому её никто не должен был учить.

Прия переслала файл. Когда на телефоне Ханны появились первые кадры, разница в размере снова показалась неправильной. Та же девочка могла стать больше или меньше от движения пальцев. Нельзя было позволить себе забыть, что это запись.

— Можно приблизить? — спросила она.

— У себя делай что хочешь. Только сохрани ещё как было.

Ханна увеличила нижний край изображения. Руки, серая складка, квадрат тени. При следующем движении пальцев всё стало размытым.

— Что там выскочило?

Прия сжала губы.

— Кнопка. Наверное.

— Какая?

— Верхняя. Я её тогда чинила.

Ханна подняла голову.

Прия сидела, обхватив себя за локти. Это была неудобная поза для разговора за кухонным столом: плечи вперёд, спина не касалась стула.

— В тот вечер, — сказала она.

Ханна вернула изображение к обычному размеру. Девочка перед дверью держала что-то у шеи. Не звонила, не просила открыть. Показывала сломанную вещь.

— Ты говорила про дождевик. Тогда, полиции.

— Да.

Ханна помнила фразу в списке. Прия Шах видела Уиллу Мерсер в жёлтом дождевике в вечернее время. Кажется, именно так. Пять лет она представляла дочь, проходящую мимо дома 6 по дороге вниз. Чужое краткое показание стало в голове сценой, в которой не было ни стола, ни рук Прии, ни сломанной кнопки.

— Она заходила к тебе?

— На минуту. Здесь, у двери, стояла. Я не шила, просто поджала маленькими плоскогубцами. Она сказала, что мама выбросит дождевик, если опять сломается. Я сказала, что у тебя есть более интересные занятия.

Ханна прижала палец к переносице.

Она говорила это. Могла говорить. Не про дождевик — про бесконечное требование чинить вещь в тот момент, когда уже надо уходить.

— Я не собиралась его выбрасывать.

— Я знаю.

— У меня была смена.

Прия молчала.

У Ханны пересохло во рту. Она заметила стакан возле раковины и не попросила воды, потому что это прервало бы разговор.

— Когда она от тебя ушла?

— Минут через пять после восьми? Нет. Позже. У Белла были, потом ко мне. Ханна, я сейчас не назову минуту, которой не помню.

— На записи стоит пятнадцать.

— На этой записи. Сегодняшней. Не тогда.

Ханна убрала телефон со стола.

— Да. Ты права.

Прия распрямилась, как будто и ей стало немного проще дышать.

— Я помню другое. Она от меня пошла домой.

— В сторону дома.

— Домой. Я видела, как она поднялась и открыла дверь.

Ханна посмотрела на кухонное окно. Из него были видны красный клён, бок гаража и дом Кина. Крыльцо Мерсеров оставалось за краем стены.

Прия заметила её взгляд.

— Я стояла на своей дорожке. Мусор выносила. В руках был этот маленький инструмент, я положила его на бак, а потом искала до выходных.

— Ты это говорила?

— Да.

Ханна ждала продолжения. Прия сдвинула планшет в сторону.

— Я говорила, что видела, как она вернулась. Не знаю, записали ли всё именно так. Мне казалось, главное — она была дома. Потом сказали, что она снова вышла, когда Адам не заметил. Или что я могла ошибиться. Ты не спрашивала.

Ханна действительно не спрашивала. Она спрашивала, долго ли Уилла мучилась. Кто её нашёл. Можно ли вернуть заколку. Помнила, как кто-то говорил о времени и возвращении, но сам разговор словно проходил в коридоре за закрытой дверью.

Теперь Прия сидела перед ней за обычным кухонным столом. Ханна могла задать вопрос. Ни один человек не мешал ей открыть рот.

— Адам был там?

— Его машина стояла. В доме свет горел. Самого его я не видела.

— Она позвонила? Прежде чем открыть?

— Нет. Достала ключ. Сама открыла. Мне ещё показалось, что она слишком сильно хлопнула.

В квартире, где Ханна выросла, двери приходилось хлопать: иначе язычок замка не вставал в паз. Она долго отучала Уиллу делать то же самое в их доме. Девочка утверждала, что если дверь не хлопнула, нельзя знать, закрылась ли она.

Прия встала и налила воду. Поставила стакан перед Ханной, не спрашивая.

— Я не хочу сказать, что тогда понимала всё лучше других. Я не понимала.

— Но ты знала, что она дошла.

— Да.

Ханна сделала глоток. Вода была чуть тёплая: первый поток из крана, который Прия не стала пропускать, торопясь вернуться к столу.

— Отсюда твоя камера видит нашу дверь?

Прия покачала головой.

— Только поворот и кусок твоего гаража. Мы специально отвернули, когда поставили. Чтобы не снимать людям окна.

Ханна снова посмотрела на планшет. Там была пауза: ребёнок с приподнятым локтем, почти белый дождевик. Прия не сказала, какого цвета он на экране. Ханна тоже не стала.

На часах было десять сорок семь. Если выйти сейчас, до работы можно было успеть почти вовремя.

— Спасибо, — сказала она. — И про Ану я помню.

В прихожей Прия взяла её за рукав. Пальцы были сухими, тёплыми.

— Ты потом мне скажешь, что с этим? Даже если окажется какая-нибудь мерзость.

— Скажу.

На улице Ханна остановилась возле тележки со старым ковриком. Ананас на нём стёрся до овального пятна. На новой записи Уилла стояла у старого коврика, который вчера, возможно, ещё лежал на месте. Нужно было спросить, когда его сменили. Ханна записала вопрос и не вернулась: она уже услышала, как Прия закрыла дверь и позвонила кому-то, произнеся усталым голосом имя мужа.

У своей машины Ханна открыла разговор с Адамом.

«Прия тоже сняла её. И говорит, что тогда видела, как она вернулась домой».

Она перечитала сообщение и стёрла второе предложение.

Написала заново:

«У Прии тоже запись. Вечером нужно собраться у Аарона. Бет нашла человека, который посмотрит исходные файлы».

Последняя фраза ещё не была правдой. Бет ничего не прислала.

Ханна убрала её тоже. Оставила только две первые и нажала «отправить».

Потом села за руль и позвонила на работу: сказала, что задержится на пятнадцать минут. Больше объяснить по телефону не смогла.

Глава 4. Снаружи

В больнице Ханна поставила время приёма на две минуты раньше, чем пробу принесли к окну.

Ничего непоправимого не произошло. Марк, работавший рядом, заметил разницу, придвинул ей лист и постучал ручкой по строке. Она исправила запись, подписала исправление и отложила бумагу к тем, которые нужно было проверить перед концом смены.

Через полчаса спросила, не может ли он сегодня проверить за ней всё.

Марк посмотрел на неё поверх монитора.

— Могу. Но если тебе нужно домой, иди домой.

— Мне сейчас лучше здесь.

Он не стал выяснять почему.

Лучше здесь было лишь до тех пор, пока она занималась делом. В перерыве Ханна открыла файл Прии без звука, остановила на руке у горла и поняла, что пропустила начало очереди у окна. Убрала телефон в шкафчик. Через десять минут вернулась проверить, не звонил ли Адам.

Он написал: «Буду у Аарона к восьми».

Бет прислала номер Лии Торрес и пояснение: «Берёт за час. Сегодня только коротко по телефону, завтра сможет встретиться. Сказала, пока ничего не улучшать и не обрезать».

Ханна позвонила в шесть, выйдя на бетонную площадку у служебной двери. Лия ответила не сразу. На заднем плане кто-то настойчиво просил у неё зарядное устройство.

— Мне сестра дала ваш номер. Ханна Мерсер.

— Да. Бет сказала, у вас домашнее видео, которое надо проверить. Какое устройство?

Ханна назвала камеру Аарона и призналась, что не запомнила модель у Шахов.

Лия задала несколько коротких вопросов: кто хозяева устройств, где сохраняется запись, что Ханна получила сама, что ей только показали. Ханна ответила, стоя лицом к серой стене, чтобы меньше отвлекаться на выезжавшие машины.

— У вас сохранились самые первые файлы? Как пришли?

— Да.

— Хорошо. Самим ничего с ними делать не надо. И я сначала поговорю с владельцами, если они согласны. То, что файл у вас, не даёт мне права зайти в их устройства.

— Они согласятся. По-моему.

— Тогда завтра договоримся. Сегодня я могу сказать только, что экран приложения — ещё не происхождение записи. Даже если всё выглядит как надо.

Ханна прислонилась лбом к прохладной стене. Пахло нагретой пылью из вентиляционной решётки.

— А если снято то, чего не могло быть?

Пауза длилась недолго.

— Тогда сначала выясняют, что действительно снято.

— Вы не спросите, что там?

— Спросила бы при встрече. Но можете сказать сейчас.

Ханна рассказала про дочь. На другом конце стало тихо; человек, которому нужна была зарядка, наконец ушёл.

— Я могу проверить записи, — сказала Лия. — Кто девочка и почему она там, по одному файлу не установлю. И отсутствие монтажа не ответит на этот вопрос.

— Хорошо.

Ханна записала цену часа. Спросила, можно ли сохранить работающие камеры на ночь. Лия сказала, что вопрос не в том, чтобы всё выключить: важные записи могли перезаписы-

ваться, поэтому надо отдельно договориться с владельцами об их сохранении и ничего не сбрасывать к заводским настройкам.

Это было разумно, конкретно и не имело никакого отношения к тому, чего Ханна от неё на секунду захотела: услышать, что невозможное бывает и она уже встречала такое у других.

Домой Ханна приехала в половине восьмого. На дорожке стояла машина Бет.

Сестра сидела на капоте, прижав к куртке бумажный пакет. Увидев Ханну, сразу встала.

— Я только еду привезла.

— У меня есть еда.

— Замечательно. Будет больше.

Бет отдала пакет и не пошла к дому. Ханна посмотрела на неё.

— Ты не зайдёшь?

— Если хочешь.

— Хочу.

Они вошли через заднюю дверь. Бет сняла ботинки. На носке возле большого пальца была маленькая дырка, и она повернула ступню внутрь, заметив взгляд сестры.

— Не начинай. Из-за одного пальца всю пару выбрасывать не буду.

Ханна поставила пакет на стол. Внутри были булочки с сыром, два контейнера супа и узкий пакетик с засохшей глазурью.

— Это зачем?

— Это мне. Не обольщайся.

Она сказала обычную глупость, и Ханна засмеялась. Смех получился резким, неудобным, словно она поперхнулась. Бет не двинулась к ней, не стала гладить по спине. Только забрала пакетик и сунула в карман.

— Покажешь?

Ханна достала телефон.

Бет села на место Адама. Смотрела один раз. Когда запись закончилась, положила ладонь на экран, прежде чем тот погас.

— Я помню, как она это говорила, — сказала она.

— Про перец?

— Не это самое. Как она ждала, пока поймут шутку. Я иногда не понимала, а она повторяла. С тем же выражением лица. Злилась.

Ханна кивнула.

— Ты ведь понимаешь, что это может оказаться…

Бет остановилась.

— Договори.

— Не тем, чем хочется.

— Понимаю.

Бет убрала руку с телефона. Остался отпечаток пальцев на стекле.

— Мне остаться?

— Мы пойдём к Аарону. Адам уже, наверное, там.

— Я могу с вами.

Ханна посмотрела на часы. Без десяти восемь.

Ей хотелось пойти одной. Ей хотелось, чтобы рядом были все, кто когда-либо любил Уиллу, и никто не видел её лица, если ничего не произойдёт. Выбрать между этими желаниями было невозможно.

— Побудь пока здесь, — сказала она. — Если кто-нибудь позвонит в дверь. Или если я позвоню.

Бет кивнула так, будто это было обычное поручение. Но когда Ханна надела куртку, сестра проводила её до крыльца.

Небо над улицей ещё сохраняло слабую синеву между голыми ветками. Дождя не было со вчерашнего утра. Вдоль бордюра лежали тёмные полосы высохшей грязи, которую разнесли колёса рабочих машин.

Адам стоял у Аарона в прихожей. За ним на стене висела репродукция с лодкой, давно перекосившаяся на одном креплении. Ханна помнила, как Уилла требовала выровнять её по выключателю, а Аарон говорил, что лодка накреняется на волне.

— Привет, — сказал Адам.

Он потянулся к её локтю и убрал руку.

На столике перед ним стоял телефон Аарона, подключённый к зарядке. Рядом лежал его собственный. Аарон разворачивал на планшете картинку с крыльца.

— Оно будет сохраняться, — сказал он. — Рави помог посмотреть, сколько места. Сегодняшний день пока не затрётся.

— Я поговорила с Торрес. Завтра сможет проверить. Сначала хочет вашего согласия.

— Конечно, — ответил Аарон. — А сейчас что?

Ханна посмотрела в окно возле двери. Снаружи горшок бархатцев заслонял нижний угол площадки. Если стоять здесь, увидеть лицо человека перед камерой было нельзя.

— Я побуду на дорожке.

Адам повернулся к ней.

— Зачем?

— Чтобы не смотреть в телефон.

Он хотел ответить, но Аарон уже протягивал ей переносной стул.

— Можно у ступенек. Только там неровно, ножка…

— Не надо стул.

Ханна вышла, спустилась и остановилась на дорожке у конца поручня. До двери было четыре или пять шагов. До улицы — столько же. По другую сторону изгиба светилось окно Прии. Дальше виднелся собственный дом Ханны; Бет оставила включённым кухонный свет.

В восемь ноль пять проехал белый фургон. На заднем бампере висела петля синего ремня. В восемь ноль семь у Уордов погас свет наверху. Через минуту Люк Беннетт открыл дверь, вынес что-то на крыльцо и вернулся внутрь.

У Ханны начали мёрзнуть руки. Она сунула их в карманы, потом вытащила: если придётся что-то сделать, нельзя терять время на подкладку.

Из дома донёсся голос Аарона:

— Две минуты.

Она не стала смотреть на часы.

Ничего не должно было произойти. Вчера могла прийти настоящая девочка. Кто-то мог разыграть мерзкую шутку, устроить съёмку, всё что угодно. Настоящая девочка не обязана была возвращаться ровно в то же время. Ханна выбрала себе минуты, в которые будет стоять на чужой дорожке, и только.

Снизу улицы послышался шорох. Ветер протащил по асфальту большую обёртку от утеплителя. Та зацепилась за колесо припаркованной машины.

Потом телефон Аарона издал короткий звук.

На верхней площадке стояла Уилла.

Ханна не увидела, как она поднялась. Взгляд ещё был обращён к машине, у которой шевелился пластик, а когда вернулся к двери, там уже был ребёнок.

Дождевик светился под лампой. По капюшону к спине шла тёмная мокрая складка. Ханна увидела профиль, знакомую слишком круглую щёку и левую руку, прижимавшую тарелку к животу.

Горло сжалось так сильно, что первый звук не вышел.

Уилла хлопнула по правому карману. Дважды.

— Уилл.

Ханна сделала шаг. Её туфля наступила на мелкий камень, и подошва съехала вбок. Она удержалась за поручень.

Изнутри Адам произнёс её имя.

Ханна поднялась на первую ступеньку.

— Уилла, я здесь.

Девочка не повернулась. Она смотрела на дверь, откинув голову чуть назад. Перехватила тарелку правой рукой и левой заправила мокрые волосы за ухо. На запястье была тугая красная резинка. Ханна помнила, как та оставляла след на коже, и сколько раз говорила её снять.

— Мама велела вернуть. Перца там больше нет.

Голос был близко. Без динамика, без жестяного края. До ребёнка можно было дотянуться, поднявшись ещё на две ступеньки.

Ханна пошла вверх.

Уилла повернула голову вправо, к тёмному боку крыльца. Тарелка качнулась у неё в руках. Ханна на мгновение увидела белый скол.

— Подожди.

Девочка шагнула в сторону. Ханна добралась до площадки, упёрлась ладонью в стену и заглянула за горшок.

Дорожка сбоку дома была пуста.

Она перегнулась через низкий поручень. Справа стояли два мусорных контейнера, за ними куст сирени, дальше калитка в задний двор. Ханна спустилась по боковой ступеньке, толкнула калитку. Та прошла полпути и застряла в мокрой земле.

— Уилла!

Во дворе стоял снятый навес от гриля. Соседская лампа подсвечивала его серебристый край. Где-то за гаражами хлопнула дверца автомобиля.

Ханна протиснулась в щель, поцарапав куртку о задвижку. Обошла куст. Посмотрела за контейнеры. Дошла до задней стены гаража, где проход сужался так, что взрослому надо было повернуться боком.

Никого.

Она всё-таки прошла между гаражом и забором. Детский дождевик мог мелькнуть там, уйти вниз по служебной полосе, спрятаться за чужой машиной. Она ещё не осмотрела всё. Не имела права остановиться только потому, что не увидела сразу.

Узкий проход упёрся в старую сетку. За ней темнели чужие кусты.

Сзади открылась дверь Аарона.

— Ханна!

Адам звал негромко. Она разозлилась на эту осторожность и ответила громче, чем хотела:

— Сюда! Посмотри там, у гаража!

Он подошёл, посветил телефоном вдоль забора. Потом вернулся к калитке, обошёл дом с другой стороны. Ханна осталась у сетки. Её ладонь лежала на проволоке, холодной и слегка липкой.

Из окна Прии падал прямоугольник света. За стеклом двигался силуэт.

— Ты её видела? — спросил Адам, вернувшись.

Она повернулась к нему.

— Ты видел на телефоне?

— Да.

— Я видела здесь.

Он кивнул. Не сказал, что понимает, и не потянулся обнять. Смотрел на неё так внимательно, словно от точного ответа зависело, сможет ли она пройти обратно через застрявшую калитку.

— Здесь, — повторила Ханна. — Не на экране.

С улицы послышались быстрые шаги. Бет обогнула дом, остановилась у края дорожки. Она не спрашивала, что случилось. Ханна поняла, что сестра слышала, как она звала.

Внутри дома звякнул телефон.

Аарон вышел на боковую ступеньку, держа аппарат на раскрытой ладони.

— Прия, — сказал он. — У них опять тоже.

Ханна посмотрела на чужое окно. Там всё ещё двигалась тень. Между домами лежала пустая полоса газона.

Она могла побежать к Прие. До её крыльца было меньше минуты. Вместо этого прижала ладонь к сетке сильнее и посмотрела на Адама.

— Позвони в полицию, — сказала она. — Скажи, что я сейчас видела ребёнка. Лично. Скажи, где мы.

Пока он набирал номер, Ханна наконец убрала руку с проволоки. На коже остались тонкие красные квадраты. Она растёрла ладонь другой рукой, проверяя, как долго они будут исчезать.

Глава 5. Показание

Пока ждали машину, Ханна дважды прошла от крыльца Аарона к его гаражу. Во второй раз Бет пошла рядом. Никто не предложил ей присесть.

Сетка за гаражом была выше человеческого роста. Внизу, у дальнего столба, её когда-то отогнули, потом притянули обратно проволокой. Девочка могла пролезть, если бы знала место. Ханна попробовала приподнять край. Под ним блеснула мокрая земля.

— Не надо сейчас, — сказала Бет.

— Я только смотрю.

— Я вижу. Не порви руку.

Ханна отпустила сетку. Точно ли та стояла так же пять минут назад, она не знала.

Адам оставался на связи с полицией. Он не произносил слова «дочь», пока его не спросили, с кем разговаривает Ханна. Потом отошёл к улице, и она услышала только:

— Да. В двадцать первом. Нет, сегодня речь о живом ребёнке. О ребёнке, которого она сейчас видела.

Ханна заставила себя не идти за ним.

В доме Аарон снова включил видео. В кадре была видна сама Ханна у ступенек. На маленьком экране она двигалась медленнее, чем помнила: сперва застыла, потом полезла вверх. Ей хотелось наклонить телефон, как поворачивают голову, чтобы увидеть за углом. До того места запись не доходила.

На четвёртом повторе Адам протянул руку и остановил её.

— Мы это сохранили.

— Я смотрю, куда она…

— Там не видно.

Она подняла на него глаза. Он не убрал пальцы от телефона.

— Хорошо, — сказала Ханна.

Она сама отложила аппарат на столик. Адам шагнул в сторону, освобождая проход к двери.

Полицейская машина подъехала в половине девятого. Женщина в форме сначала поговорила с Адамом у капота, потом вошла к Аарону. Представилась Данн и спросила, кто видел ребёнка лично.

Ханна подняла руку. Получилось как в школе, и она тут же опустила её.

— Я.

— Давайте сначала вы расскажете. Без видео.

Аарон хотел что-то добавить. Данн повернулась к нему:

— Потом посмотрим и запись. Сначала что она видела сама.

Ханна описала дождевик, тарелку, волосы. Повторила слова про перец и неожиданно услышала, насколько глупо это звучит. В голосе Данн ничего не изменилось.

— Откуда девочка пришла?

— Справа.

— Вы видели, как подошла к дому?

Ханна посмотрела на боковую стену через окно.

— Нет. На видео она появляется справа. Сегодня я отвернулась на секунду. Когда посмотрела обратно, она уже стояла.

Данн кивнула и что-то записала.

— А ушла?

— За тот край. Я сразу пошла следом.

— Она бежала?

— Нет. Просто шагнула. Я поднялась, а её уже не было.

— Через сколько вы оказались там, где её больше не видели?

Ханна попыталась посчитать. Сначала две ступеньки, ладонь на стене, потом спуск с другой стороны. Она слышала собственное «подожди», но не могла поставить между звуком и движением секунды.

— Быстро. Не знаю точно.

Данн не стала подсказывать число.

— Ребёнок вам знаком?

Адам стоял у камина. Ханна увидела его очки: одно стекло отражало лампу, второго почти не было видно.

— Она похожа на мою дочь. Уиллу Мерсер. Дочь погибла в две тысячи двадцать первом.

Данн подняла глаза от блокнота.

— Мне сказали. Я спрашиваю про девочку, которую вы видели сегодня. Вы знаете здесь кого-нибудь такого возраста, кто мог бы быть у соседей?

— Нет.

Это был вопрос, на который Ханна могла ответить. Она перечислила детей, живших на улице, и запнулась на имени младшего племянника Беннеттов. Аарон помог. Данн записала и его имя.

Потом они вместе посмотрели оба вечера у Аарона. Данн попросила проиграть ещё раз момент, когда Ханна поднимается по ступенькам. Никто не говорил, пока девочка не ушла за край.

— Тарелка, — сказал Аарон. — Вот она.

Он показал пустые руки, вспомнив, что тарелка осталась у Ханны.

— У меня дома, — сказала она. — Зелёная. Мы её сегодня проверяли. Я могу принести.

Данн спросила, когда на ней последний раз подавали еду. Аарон не смог назвать день. Ханна тоже.

Женщина попросила пройти тем путём, которым Ханна искала девочку. Адам взял у Аарона фонарь, но Данн достала свой. Бет осталась внутри с телефоном Ханны.

За гаражом Данн осветила место под сеткой, не трогая проволоку. Потом проверила другую сторону двора, проход у стены, щель между двумя навесами. Ханна шла за ней и чувствовала досаду при каждом движении луча: конечно, там пусто; если бы надо было просто посветить ярче, она сама уже нашла бы дочь.

И тут же исправила себя. Не дочь. Девочку. Именно это она просила искать.

— Здесь можно пройти дальше? — спросила Данн у Аарона.

— По ту сторону — к старому проезду. Только он сейчас перекрыт.

— Не полностью, — сказал Адам.

Он стоял у дальнего угла, где сетка примыкала к неровной деревянной секции. Между секцией и гаражом оставался тёмный просвет. Ханна видела его и раньше, но приняла за тень от столба.

Адам посветил вниз. Там лежали листья и две раздавленные пластиковые бутылки.

— Худой человек пройдёт.

Ханна протиснулась бы туда немедленно, если бы Данн не подняла ладонь.

— Сначала я посмотрю с той стороны.

Данн вернулась на улицу. Адам пошёл с ней к повороту, откуда можно было обойти дома. Ханна осталась во дворе с Аароном.

Он дышал ртом. Под фонарём были видны капли пота на верхней губе.

— Прости, я про это место не вспомнил. Там раньше лист железа стоял.

— Я тоже не увидела.

За крышей своего дома Ханна видела часть дерева. Она смотрела на него, пока Адам с Данн ходили вокруг. Пять лет думала, что знает эту улицу достаточно хорошо. Сегодня не смогла догнать ребёнка на участке, через который сама таскала мешки.

Когда Данн вернулась, на крыльце уже стояла Прия. Она держала планшет в чехле, будто пришла на деловую встречу.

— Нам тоже нужно показать, — сказала она.

Из дома раздался голос Бет:

— Ханна, телефон.

Звонила старшая смены. Ханна ответила, отойдя на дорожку. Завтрашние часы, о которых они договорились в конце дня, нельзя было поменять так, как Ханна просила. Другая сотрудница уже взяла выходной. Нужно было либо прийти, либо официально предупредить, что не придёт.

— Я перезвоню через двадцать минут, — сказала Ханна.

Тот, кто говорил с ней, не мог видеть ни полицейскую машину, ни тёмную полосу между гаражами. В трубке была только работа, которая требовала ответа.

Ханна постояла с погасшим телефоном. Потом написала Марку, что утром не выйдет, и позвонила старшей ещё раз. Сказала прямо: по семейным обстоятельствам. Ей объяснили, кому отправить сообщение. Она отправила.

Когда вернулась к дому, возле Данн стоял Говард Кин в короткой клетчатой куртке. Обычно он носил её без головного убора, даже зимой. Сейчас на нём была старая бейсболка подрядчика.

— Задний проезд надо смотреть с нижнего въезда, — говорил он. — Там ограждение. Сюда техника через жилую улицу не идёт.

Данн спросила, кто он. Говард назвал себя и объяснил, что помогает с работами.

Увидев Ханну, он стянул бейсболку.

— Привет. Аарон сказал, девочка какая-то ходит?

— Видели ребёнка, — ответила Данн раньше, чем Ханна успела открыть рот. — Пока уточняем.

— Ясно. Только туда не ходите без кого-нибудь из бригады. Калитка закрыта, а дальше сейчас разобрано.

— Какая калитка? — спросила Ханна.

— Верхняя. У меня за участком. Для доступа. Та, что к боковому спуску.

Она знала её. Зелёная краска облезла до серого металла ещё до того, как Мерсеры купили дом. Уилла однажды спрашивала, почему на воротах написано «Опасно», если за ними просто трава. Ханна не помнила, что тогда ответила.

— Снизу зайти можно? — спросила Данн.

— Сейчас там лентой отгорожено. Лучше дождаться рабочих.

Говард посмотрел на планшет в руках Прии.

— У вас тоже снялось?

Она прижала чехол к боку.

— Мы покажем.

Он кивнул и надел бейсболку. Ханна поняла, что он ждёт, когда ему уступят место возле экрана, как уступают соседу, подошедшему помочь. Никто не подвинулся.

После короткой паузы Говард сказал, что если потребуется ключ от служебной калитки, он дома. Вернулся на улицу и пошёл вверх, обходя оставленную Данн машину.

В записи Прии девочка снова держала застёжку у рта. Часы показывали девять пятнадцать.

Данн посмотрела на свои часы.

— Это только что?

— Примерно в восемь пятнадцать, — сказала Прия. — У нас время неправильно стоит. Я ничего не меняла.

На прошлой записи над той же фигурой было то же время.

Данн попросила сохранить оба файла. Назвала номер обращения; Ханна записала его в телефоне рядом с утренним вопросом о времени.

Полицейская машина уехала после девяти. Ни имени живой девочки, ни объяснения её появления у них не было. Данн попросила звонить сразу, если снова увидят ребёнка, и сказала, куда передать сохранённые материалы.

Ханна дошла до своего дома вместе с Бет. В кухне всё ещё горел свет. Зелёная тарелка стояла на полке у задней двери, куда Ханна поставила её утром.

Бет сняла куртку.

— Я на диване. Если разрешишь.

— У меня наверху есть кровать.

— Там надо что-то перекладывать?

— Нет.

Это была её старая комната для гостей. Ханна иногда складывала туда чистое бельё, но кровать оставалась свободной.

Она поднялась первой, достала полотенце и положила на подушку. На секунду задержалась у другой двери, через два шага по коридору. Дверь Уиллиной комнаты была прикрыта, не заперта. За ней хранились школьные тетради, слишком маленькая зимняя обувь, разобранная трасса для шариков. Ханна не заходила туда сегодня.

Снизу Бет спросила, где заряжать телефон.

— У дивана розетка не работает, — ответила Ханна. — В кухне, справа.

Она спустилась, чтобы показать. Завтра ей предстояло встретиться с Лией. Сейчас сестре нужен был чай, и Ханна хотя бы знала, где у неё лежат чистые кружки.

Глава 6. То, что сохраняется

Утром Бет уехала раньше, чем Ханна встала. Оставила на столе записку: «Кружка в раковине. На суп не надейся, я съела».

Ханна открыла холодильник. Один контейнер всё-таки остался. Она переложила его на другую полку и только тогда заметила, что с вечера не прикасалась к еде.

До встречи у Аарона было два часа. Она позавтракала стоя, включила стиральную машину и написала Адаму, что Лия приедет в одиннадцать. Он ответил почти сразу: работает на другом конце города, раньше обеда не освободится. Попросил сообщить, что скажет специалист.

Ханна хотела выслать ему ночную запись ещё раз. Вместо этого написала: «Нам нужно поговорить о том вечере. Прия уверена, что видела, как Уилла вошла домой».

На экране появились три точки. Пропали. Появились снова.

«Да. Я тоже её видел».

«Потом?»

Он позвонил.

— Я сейчас в машине, — сказал Адам. — Не за рулём. Стою.

— Ты видел её после того, как она вошла?

— Она поднялась наверх. Я был внизу.

Ханна смотрела на табло стиральной машины. Оставалось сорок три минуты. Оно переключилось на сорок две.

— Ты видел, как поднялась?

— Я слышал. Ханна, мы это обсуждали.

— Пять лет назад. Я не всё помню, что мы обсуждали.

— Я был дома, когда она вернулась. Потом понял, что её нет. Я должен был проверить.

— Когда потом?

Адам помолчал.

— После девяти. Когда вернулся Майлз… Нет. Когда начали её искать. Я сейчас собью всё ещё хуже. Давай вечером сядем, откроем, что тогда записали. Я не хочу сочинить тебе минуту по телефону.

Ханна провела ногтем по засохшей капле на столе. Представила Майлза, старшего из братьев Причардов, живших в восьмом доме. Тогда ему было семнадцать.

— Хорошо. Вечером.

Он хотел что-то сказать ещё, но она уже поблагодарила и закончила разговор. Не знала, за что именно поблагодарила. За ответ. За согласие приехать. За то, что он тоже её видел — тогда, дома, живую.

Лия приехала к Аарону без большого чемодана. Взяла из багажника рюкзак и бумажный стакан кофе. Аарон помог ей открыть багажник повторно, когда внутри осталась сумка с зарядкой.

Он взял свободное утро на работе. Из-за этого должен был остаться в пятницу дольше; пока Лия раскладывала вещи, он дважды ответил на сообщения и извинился за каждый раз.

— Работайте, — сказала она. — Мне сначала всё равно надо записать, что у вас стоит.

Ханна ожидала, что Лия сразу посмотрит лицо. Вместо этого та сфотографировала камеру, спросила о карте памяти и попросила Аарона показать, кто ещё имеет доступ в приложении.

— Лиам, — ответил он. — Сын. Он мне всё настраивал.

— У него отдельное приглашение или ваши данные?

— Отдельное. Сейчас покажу.

Ханна вспомнила, как Адам просил не выкладывать запись. Сам Аарон мог не переслать ни одного кадра, и всё же ещё один человек видел бы его без их участия.

— Он знает, что произошло?

Аарон достал второй телефон, служебный.

— Написал ему вчера после полиции. Сказал ничего не отправлять.

Лия подождала, пока он закончит сообщение, потом вернулась к камере.

Она не извлекала карту. Объяснила, что сначала сохранит доступное обычным способом и отдельно опишет устройство, а если понадобится полная работа с носителем, это будет другой объём. Ханна спросила, достаточно ли обычной загрузки, чтобы запись не пропала.

— Чтобы у вас осталась эта копия — да. Чтобы ответить на всё остальное — нет.

Лия подписала папки датой и именем владельца. Рассчитала для полученных файлов длинные строки, которые Ханна сначала приняла за названия.

— Это контрольные суммы. Если потом копия изменится, сравним. Про то, что случилось перед камерой, они ничего не говорят.

Аарон наклонился к экрану.

— То есть если кто-то сделал подделку…

— Она тоже будет иметь такую сумму.

Он выпрямился, будто ему вернули вес, который он на секунду успел переложить на стол.

Прия пришла в половине двенадцатого. На работе ей дали час; она принесла телефон, не планшет, и сразу сказала, что если Рави потребуется для пароля, придётся ждать до его перерыва.

Лия ответила, что пока не потребуется. Они проверили выгруженные файлы и снимки настроек, которые Прия сделала заранее по её просьбе. После этого Лия поставила рядом два кадра: фургон доставки возле Аарона и его же заднюю дверь на краю поля камеры Шахов.

— Это один проезд, — сказала она. — Смотрите на ремень сзади.

На бампере болталась синяя петля. Ханна вспомнила, как смотрела на неё, стоя вечером у крыльца.

В одном файле было восемь ноль пять, в другом — девять ноль пять.

Лия прокрутила несколько секунд. Петля качнулась, фургон прошёл изгиб дороги. Совпали и движение, и маленький толчок заднего колеса на стыке асфальта.

— Для этого вечера разница около часа. Секунды ещё сверим. Запись у Прии не доказывает, что ребёнок пришёл через час после первого. Скорее через четыре минуты.

Ханна уже думала об этом. Но теперь между двумя цифрами появилась машина, которая действительно ехала по улице, а не её желание, чтобы всё сложилось.

— А позавчера? — спросила она.

— Проверяем отдельно. Настройки могли не меняться, но пока я не буду это утверждать только потому, что нам удобно.

Прия посмотрела на часы и медленно выдохнула.

— Рави летом два раза переставил время. Один раз вручную, потом ещё что-то включилось. Мы всё собирались поправить.

— Сейчас не поправляйте, — сказала Лия. — Сначала закончим фиксацию.

Они посмотрели два появления у Аарона рядом. Фон различался: в первый вечер у стула белел конверт, во второй его не было; на втором видео Ханна стояла у дорожки. Дождевик оставался мокрым. Девочка одинаково переставляла руки, задерживала палец на сколе, трогала волосы. Но свет на её лице был немного другим, и Лия не стала называть фрагменты одинаковыми. От первого кадра с девочкой до того, в котором её больше не было видно, в обоих роликах прошло около тридцати девяти секунд. Ханна записала число рядом с домом Аарона.

— Это не один файл, который вам два раза прислали, — сказала она. — По крайней мере, полученные копии различаются. Причину сходства движений надо выяснять отдельно.

— Монтаж вы видите?

— На первом просмотре ничего, что я могла бы уверенно назвать им. Это не значит, что я его исключила.

Ханна отодвинула стул. В комнате было тепло, а спина под кофтой казалась холодной.

— Я видела её сама.

— Я помню.

— Не на телефоне.

Лия повернулась к ней полностью.

— Тогда материалом будет и то, что видели вы. Вчера Данн правильно начала с вашего рассказа. Но мы не должны заставлять видео говорить больше, чем на нём есть.

За окном подал сигнал грузовик. Ханна посмотрела на него раньше остальных. Не девочка; всего лишь ещё одна машина, которой надо было развернуться в тупике.

Прия ушла через десять минут. Лия осталась заканчивать перечень файлов. Ханна спросила, можно ли заказать ещё час на сопоставление второго вечера. Лия показала, что именно успеет за него, и Ханна согласилась. Ничего больше — ни поиск ребёнка, ни обещание разгадки — в эту работу не входило.

Аарон сходил за блокнотом и принёс вырванный лист. Вверху стояли две даты, ниже он написал: «Первый раз» и «Второй раз». Передал лист Лии.

— Это чтобы вам не пришлось открывать все подряд.

Она посмотрела на лист, потом на список файлов.

— А первый раз это когда?

— Ну, когда пришла.

— Когда вы её увидели или когда камера её сняла?

Аарон потёр щёку. Синий колпачок от ручки остался у него между пальцами.

— На записи. После концерта. Запись там уже была.

— Так и напишите. И скажите, по чему вы тогда её нашли.

Он взял лист обратно. Ханна ждала, что он напишет про сигнал на телефоне, но Аарон поставил ручку на бумагу и не двигал ею.

— Поставил телефон заряжаться и увидел уведомление, — сказал он. — Первый раз посмотрел, решил, кто-то из детей Уордов. Во второй раз уже остановил, чтобы разглядеть лицо.

Ханна видела его палец на бумаге. Ей хотелось спросить, на каком кадре он перестал думать про Уордов. Она была готова смотреть с ним по секунде, если бы это позволило ещё раз подойти к моменту, когда он узнал Уиллу.

Лия наклонила экран к Аарону.

— Покажите, где вы её заметили. А я сперва посмотрю, с чего начинается файл.

Он протянул руку к экрану, но Лия сама вернула запись к началу. Несколько секунд на площадке ничего не происходило. Слева, у самого края, на перила легла тень; свет от машины прошёл по верхней ступеньке и ушёл. Аарон подался вперёд. Ханна приготовилась увидеть жёлтый рукав и пропустила, как на записи качнулась ветка у ступеней. Лия вернулась на секунду назад.

— Зачем туда? — спросила Ханна.

— Хочу понять, видна ли дорожка целиком.

Дорожки целиком не было. Ханна знала это и раньше. Просто до сих пор ей казалось, что нет нужды смотреть туда, где Уиллы не было.

— Если я буду стоять там и смотреть на дверь, камера меня увидит?

Лия поднялась, чтобы взглянуть в окно. Аарон открыл на своём телефоне прямой эфир.

— Спросите его, — сказала Лия. — Только не подсказывайте ему, где встанете.

Ханна вышла. Встала у нижней ступени, потом сошла вбок, на дорожку. Дверь по-прежнему видела всю. Аарон приоткрыл её и высунул голову.

— Сейчас вижу тебя, — сказал он. — А на экране только рукав. Шагни ещё раз вбок, посмотрю.

Она шагнула. Аарон посмотрел на телефон и покачал головой. Отсюда Ханна всё ещё видела его руку на двери, белую полоску краски вдоль косяка и всю площадку до самого стула. В комнате кто-то отодвинул стул. На дорожке за её спиной прошла женщина с пакетом. Ханна обернулась на звук: женщина уже была у бордюра. Когда Ханна снова посмотрела на дверь, Аарон убирал руку с ручки. В какой момент он её отпустил, она сказать не могла.

В доме Лия дописала на листке, что они только что проверили. Аарон заглянул ей через плечо.

— А это к какому вечеру?

— К сегодняшнему утру, — сказала она и поставила дату.

Когда Ханна вернулась домой, стиральная машина давно закончила цикл. Бельё лежало тёплым комком, и ей пришлось включить дополнительное полоскание. Она села на пол перед открытым шкафчиком в ванной и достала телефон.

В переписке с Адамом сохранились старые сообщения. Она не искала по дате: набрала два слова, которые помнила целиком.

«Она дома».

Нашлось несколько результатов. Уилла дома после школы. Уилла дома с Бет. И тот, последний, в пятницу, двадцать второго октября.

«Она дома. Укладываю».

В первые недели Ханна перечитывала эти три слова, пока они не переставали складываться в предложение. Позже ей стало легче не открывать старую часть переписки. Над сообщением стояло 20:19. Ниже, двумя минутами позже, её ответ: «Хорошо. Я после одиннадцати».

Она не знала, спала ли Уилла. Не знала, видел ли Адам её на лестнице. Он сказал сегодня, что слышал.

Прия видела, как дочь вошла. Это было другое утверждение.

Ханна сделала снимок переписки целиком, с датой и ответом, и убрала в папку, которую создала для старых сведений. Снимок не превращал разговор в доказанный распорядок вечера. Он только сохранял то, на что она тогда положилась.

Она встала, собрала бельё и повесила его сушиться.

Ближе к четырём снизу раздался звонок в дверь.

На крыльце стояла Ана с телефоном. На ней была школьная толстовка, на рюкзаке болтался пластиковый брелок в виде зуба.

— Мама сказала, сначала тебе показать, — произнесла она.

Ханна открыла дверь шире.

Ана не вошла. Развернула телефон прямо на крыльце.

В местном чате был кадр с камеры Аарона: жёлтый дождевик, зелёная тарелка, обрезанные дата и время. Над ним кто-то написал: «Кто знает, что за ребёнок ходит по Брайар-лейн?»

Ниже уже ответили.

Глава 7. Чужая запись

Первый ответ был про припаркованную машину. Кто-то решил, что девочка с Уиллоу-стрит. Потом узнали дождевик.

Ханна взяла у Аны телефон и прокрутила выше.

— Откуда у тебя эта группа?

— Это района. Про автобусы, перекрытия. Нас мама добавила, когда воду отключали.

Ханна не знала женщину, которая это написала. На фотографии та держала собаку под передние лапы.

«Это же Мерсер. Которая утонула».

Ханна задержала палец на строке.

— Ты ей ответила?

— Нет.

Ана стояла снаружи, хотя Ханна всё ещё придерживала открытую дверь. Она заметила это и отступила в прихожую.

— Проходи.

Девочка переступила порог, оставив на коврике одну лямку рюкзака. Подняла её ногой и только потом сняла рюкзак целиком.

— Я хотела написать, что это камера мистера Белла. Мама сказала, не надо пока.

Ханна вернула ей телефон.

— Она правильно сказала.

Ана не убрала аппарат. Подняла глаза на Ханну и снова опустила их к стеклу.

— Там дальше ещё есть.

Ниже кто-то выложил прошлогоднее фото Аны и двух подруг в школьных куртках. Ханна узнала изгиб тротуара возле спортзала. Стрелка, нарисованная от руки, указывала на Ану.

«А не она там? Видела её вчера у Мерсеров».

На фото стояла почти взрослая девушка с распущенными волосами. В дверной камере — девятилетний ребёнок, ниже её на полголовы. Однако под снимком уже обсуждали, сколько можно изменить одеждой и ракурсом.

Ханна посмотрела на Ану. Та успела собрать волосы на затылке и держала их кулаком, словно это могло помочь сравнению.

— Это не ты, — сказала Ханна.

— Я знаю.

— Я не тебе объясняю. Просто…

Она остановилась. Ана отпустила волосы.

— Я вчера была дома. Можно маме спросить. Мы ещё…

— Тебе не надо мне доказывать, где ты была.

Ана села на край стула. Пластиковый зуб на рюкзаке стукнул о ножку.

Ханна налила воды в два стакана. Один подвинула к ней, другой оставила перед собой. Нужно было сделать что-то немедленно. Она открыла собственный телефон и нашла группу, в которой читала только сообщения об отключениях. Непрочитанных было больше двухсот.

Войти в чужой разговор оказалось проще, чем позвонить Адаму. Здесь никто не мог услышать, как у неё меняется голос.

«Это моя дочь. Ана Шах не имеет отношения к записи. Прошу удалить фотографию несовершеннолетней и не распространять предположения о ней».

Ханна перечитала написанное. Убрала «прошу» перед последними словами, вернула обратно. Отправила.

Потом сохранила весь видимый разговор, включая собственный ответ, и написала администратору. Пока набирала, под её сообщением появилось: «Так дочь же умерла? Вы подтверждаете, что это она?»

Она положила телефон экраном вниз.

Ана смотрела в свой стакан.

— Можешь побыть здесь? — спросила Ханна. — Я к Аарону схожу. Или лучше провожу тебя домой.

— Я домой. Мне в пять на работу.

— Ты работаешь?

— По средам и субботам. У Вэл. Клетки убираю.

Ханна представила зоомагазин у большой дороги, слишком узкий проход между аквариумами. Прежде она знала об Ане почти всё, что сообщали взрослые: класс, каникулы, температура. Теперь не знала даже, куда та ходит после школы.

— Дойдёшь?

Ана посмотрела на неё с короткой усталой улыбкой.

— Тут два дома.

Они вышли вместе. Прия ждала у своей дорожки с ключами в руке. Она успела вернуться со склада и теперь собиралась везти дочь.

— Я написала, что это не она, — сказала Ханна.

— Видела. Спасибо.

Ана пошла к машине, не дожидаясь окончания разговора. Прия проследила за ней.

— Завтра ей это покажут в школе.

— Я попросила удалить.

— Могут удалить. Она всё равно пойдёт в школу.

Ханна кивнула. Ей не нашлось что ответить.

У Аарона была открыта боковая дверь гаража. Он стоял над низким верстаком, разговаривая по телефону. Из кармана джинсов торчала бумажка с длинным списком, сложенная вчетверо. Увидев Ханну, он произнёс в трубку:

— Подожди. Она пришла.

Протянул аппарат ей.

На экране было имя Лиама.

Ханна не взяла телефон сразу.

— Ты уже знаешь?

— Да. Он пытается объяснить.

Аарон смотрел на неё так, будто объяснять должен был сам. Она всё-таки взяла аппарат.

— Это Ханна.

— Мне очень жаль. Папа написал, чтобы я ничего не пересылал. Но я прочитал уже после того, как… У меня его чат без звука. Утром я открыл камеру, увидел полицию на записи. На вчерашней. Думал, к нему кто-то лез.

Он говорил быстро, без пауз между фразами. Ханна слышала на заднем плане звон посуды.

— Какой кадр ты отправил?

— Где девочка. Я спрашивал у Чарли, не приходила ли она к бабушке. Он же рядом живёт. Я не подумал, что это Уилла.

— Ты срезал время?

— Я просто приблизил. Чтобы лицо видно было. Это было утром, прежде чем я прочитал папино сообщение. Чарли сказал, что спросит маму. Я уже попросил его, и его мама тоже написала, чтобы…

— Подожди.

Лиам замолчал.

— Ты отправлял саму запись? Со звуком?

— Нет. Один снимок. Могу показать, что отправил.

— Покажи папе. И кому. Мне сейчас не надо всё пересылать.

Она услышала, как он втянул воздух.

— Я помню Уиллу. Я не хотел бы…

— Я знаю, что ты её помнишь.

Лиам учил Уиллу свистеть через два пальца. Не научил: она пускала слюни и требовала, чтобы он объяснил нормально. Ему тогда было пятнадцать, он сидел на ступеньках с телефоном и всё-таки откладывал его каждый раз, когда она подбегала снова.

Ханна вернула аппарат Аарону.

Тот закончил разговор коротким «ещё позвоню». Не стал убирать телефон, держал в руке.

— Я должен был сразу закрыть ему доступ.

— Ты ему доверял.

— Это не очень хороший ответ.

— У меня сейчас нет хорошего.

Из-за гаража появился соседский кот, обнюхал ножку верстака и пошёл к пустой миске. Аарон следил за ним, как за человеком, которого нельзя оставить одного в комнате.

— Мне удалить камеру из его приложения? — спросил он.

— Я не знаю, как это устроено. Спроси Лию, чтобы не затереть то, что нужно. Но новые записи он больше не должен видеть, пока мы сами не поймём.

Аарон кивнул и наконец положил телефон.

— Я ничего не обещаю за него, — сказал он. — Только за себя. Ничего больше не отправлю.

Ханна подняла взгляд к боковой стене. Уличная камера была не видна из гаража, только тонкий провод уходил за угол. Два дня назад она не замечала его вообще. Теперь провод соединял их дома с людьми, которые писали «которая утонула» между покупкой зимних шин и объявлением о котятах.

Телефон снова загудел.

Администратор группы сообщил, что удалил фото Аны и закрыл комментарии под кадром. Сам кадр пока оставил: люди должны знать о ребёнке, если тот ходит один. Он спрашивал, желает ли Ханна опубликовать пояснение от своего имени.

Желала ли она.

Она стояла в открытом гараже Аарона, чувствуя под ногами въевшуюся в бетон мелкую стружку. Можно было сказать, что записи проверяют. Можно было сообщить, что вызвали полицию. Что она сама видела девочку. Одни слова заставили бы замолчать соседей, другие привели бы сюда новых людей. Она не могла выбрать только первые.

Ханна написала, что о наблюдении сообщено полиции, обстоятельства устанавливаются, ни Ана, ни другие дети с улицы не должны становиться объектом подозрений по фотографии. Убрала фразу «я подтверждаю». Написала вместо неё: «Прошу не приезжать к домам и не снимать жителей».

Отправила администратору. Не стала прикреплять ни одной фотографии.

Едва он разместил её обращение, в группе появился другой снимок.

«Кто-нибудь звонил её родным? Это у нашей двери. Она там вроде на коленях».

Под ним стоял номер дома: 10.

Ханна узнала ступени Джо Хейл по тёмному пятну слева на средней. Поручень над ними был новый. Девочка наклонилась к нижней части двери. Дождевик разошёлся у ног, одна рука лежала на колене.

Ханна приблизила изображение. Возможно, Уилла просто присела, чтобы заглянуть в узкое стекло. Возможно, пыталась прочитать что-то на коврике. Один кадр превращал движение в любую историю, какую можно было придумать.

Аарон подался к экрану.

— Уорды?

— Да.

— Они на школьном вечере. Я видел, как уезжали. К девяти будут.

Ханна начала писать под постом: «Пришлите мне». Остановилась.

Неужели ей можно было требовать запись только потому, что она любила человека в кадре? У Элены Уорд был свой дом, своя дверь, ночь, которую она не соглашалась отдавать незнакомым людям.

Ханна открыла личный разговор.

«Меня зовут Ханна Мерсер. Я живу в доме 18. Когда вернётесь, можно с вами поговорить?»

Ответ пришёл через несколько минут.

«Завтра утром. Пожалуйста, сегодня никого к нам не приводите».

Ханна написала, что не приведёт.

У нижнего поворота остановился серый автомобиль. Водитель не вышел, опустил стекло и поднял телефон в сторону домов. Ханна увидела отражение неба в лобовом стекле и не смогла разглядеть лица.

Она убрала свой телефон в карман и пошла к обочине. Аарон двинулся следом. Машина отъехала прежде, чем они успели дойти.

У Шахов стояла женщина с двумя магазинными пакетами. Один поставила возле почтового ящика, второй держала, прижав к бедру. Смотрела в телефон, потом на номер дома. Ханна пошла к ней, прежде чем та успела подняться по дорожке.

— Вы к Прие?

Женщина подняла голову.

— Не знаю. Здесь живёт девочка с фотографии? Мне сказали, шестой. Я на Уиллоу живу, за поворотом. Если она правда к нам тоже ходила, надо же…

Она подала телефон. Не прямо Ханне, а вперёд, как обычно показывают адрес доставки. На экране была Ана со школьными подругами. Стрелка осталась, подпись сверху стала другой.

Ханна отвела руку женщины от дорожки.

— Это не она.

— Вы знаете?

— Знаю. Это дочь соседки. Её здесь нет.

Женщина опустила телефон. Пакет у бедра начал сползать; она подхватила его обеими руками. Из открытого верха торчала коробка хлопьев.

— Мне надо было спросить, не нужна ли помощь. Я думала, может, мать на работе. Я рядом, могу посидеть с ребёнком. Если здесь что-то случилось…

Ханна посмотрела на дверь Шахов. Машина Прии уже уехала. Из дома Рави мог услышать разговор, выйти, начать объяснять ещё раз. Она осталась между женщиной и ступенями.

— На той записи моя дочь.

Женщина посмотрела на неё внимательнее.

— Вы Мерсер?

Ханна кивнула.

— Так вы написали… Я прочитала, что она…

Та не закончила, но Ханна всё равно услышала слово, которое сейчас появилось бы в конце. Оно не успело стать легче после того, как его напечатали незнакомые люди.

— Да. Пять лет назад.

Мимо прошёл кот Аарона. Женщина отступила, чтобы он не задел пакеты, и машинально сказала ему «кис-кис». Он не остановился.

— Тогда почему её ищут? — спросила она.

— Её не ищут. Проверяют запись.

— А эта девочка зачем?

Ханна посмотрела на телефон в её руке.

— Кто-то решил, что похожа. Посмотрите на рост. На лицо. Это совсем другой человек.

Женщина снова открыла снимок. Попыталась увеличить, но держать пакет и двигать изображение одной рукой не получилось. Поставила второй пакет на землю. Ханна могла бы помочь и не помогла.

— Мне прислали уже со стрелкой, — сказала женщина.

— Я знаю.

— Я не сама это сделала.

— Я не говорю, что вы.

Женщина убрала телефон. Стояла теперь с пустыми руками, словно вещи у её ног принадлежали кому-то ещё.

— Я скажу, что это не она.

— Скажите тем, кто прислал. Пожалуйста. И чтобы сюда не приходили.

— Хорошо.

Она нагнулась за пакетами. Ханна взяла один, подала ей. Ручка была влажной от холодной бутылки внутри; на пальце осталась красная полоса.

— Мне действительно жаль, — сказала женщина.

Ханна кивнула. Не смогла ответить тем же обычным голосом, которым две минуты назад спросила, к кому она пришла.

— Только не пишите, что я вам объяснила, что это, — добавила она. — Я не объяснила.

Женщина медленно покачала головой.

— Нет. Я поняла.

Она ушла вниз, перехватывая тяжёлые пакеты через каждые несколько шагов. Ханна стояла у почтового ящика. Ничего страшного не произошло. Никто не повысил голос, не полез в окно и не пытался отнять телефон. Женщина хотела помочь. От этого Ханна не могла придумать, на кого ей сейчас сердиться.

Она достала свой аппарат и открыла разговор с администратором. Хотела написать, что фото Аны снова пересылают. На экране уже было его последнее сообщение: удалил, комментарии закрыл.

Ханна дописала: «Снимок со стрелкой остался в других разговорах. Сейчас по нему пришли к шестому дому. Не давайте наш адрес как место, где можно что-то проверить».

Адрес давно был виден на фотографиях. Она всё равно отправила.

В окно прихожей Шахов выглянул Рави. Ханна подняла руку, показывая, что всё. Он открыл дверь только на ладонь.

— Что хотели?

— Спросить про Ану. Я сказала, что ошибка.

Рави посмотрел вниз улицы. Потом на Ханну.

— Прие скажешь?

— Скажу.

— Я сам позвоню. Она за рулём может быть.

Он закрыл дверь. Ханна убрала телефон и пошла к себе.

Когда Ханна вернулась домой, у неё было сообщение от Адама: он приедет к шести. Она ответила: «Возьми нашу папку. Оригиналы. Не только заключение».

Потом достала из шкафа третью кружку. Даже если к их двери снова кто-нибудь придёт, разговор об Уилле больше не должен был откладываться.

Глава 8. Восемь номеров

Адам привёз папку в пластиковом пакете с застёжкой. Ханна узнала пакет: в нём когда-то хранились инструкции к котлу. Он поставил его на стол и достал бумаги, прежде чем снял куртку.

В папке были копия заключения, несколько писем, распечатанные фотографии места, лист с датами звонков. На обороте первого конверта рукой Ханны был записан номер похоронного дома.

Она отвернула конверт.

— Ты можешь остаться сегодня до конца разговора?

— Да.

— Даже если будет звонить работа.

Адам достал телефон и выключил звук.

Она принесла две кружки. Третью оставила у раковины: Бет обещала приехать позже, после вывоза стульев, который всё-таки организовала без неё. Ханна спрашивала про стулья всего утром и уже не могла вспомнить, в какой из этих двух дней.

На столе лежала её переписка с Адамом. Не снимок, сам открытый разговор.

— Ты написал в восемь девятнадцать, что укладываешь.

Адам посмотрел на экран.

— Да.

— Но сегодня сказал, что слышал, как она пошла наверх. Ты заходил к ней потом?

— Нет.

— Совсем?

Он покачал головой.

Ханна перевернула ближайший лист. На фотографии были мокрые кусты. Не те, которые она видела вчера за гаражом: ниже, у водоотвода. Она положила фотографию отдельно, не показывая Адаму.

— Тогда зачем ты написал, что укладываешь?

Он держал кружку двумя руками, хотя чай ещё не был налит.

— Она вернулась. Я услышал дверь, увидел её в прихожей. Думал, сейчас скажу умываться. Это был конец вечера. Я так написал.

— Ты ей сказал?

— Кажется, сказал.

— «Кажется»?

Адам поставил кружку.

— Я не помню, какие слова. Не хочу тебе ещё раз выдать за память то, что…

Он замолчал.

За окном проехала машина. Ханна узнала по звуку, что водитель надавил на газ перед подъёмом. Ещё одна обычная вещь, которую она знала про свой дом, пока в доме не было возможно ничего узнать.

— Что ты делал потом?

Адам посмотрел на пакет от инструкций. Провёл пальцем по незакрытой полоске застёжки.

— Был вызов.

Ханна ждала.

— Из «Миллера». Холодильник встал. Я уже был у них днём. Сказали, опять температура идёт вверх.

— Ты разговаривал с ними?

— Да.

— И?

Он поднял на неё глаза.

— Я уезжал.

Ханна слышала воду в трубе под раковиной. Никто в её доме не открывал кран; вода шла в соседнем участке трубы, где-то за стеной. Она смотрела на Адама и пыталась понять, какое время он имел в виду.

— Когда?

— После того, как она пришла. Собрал сумку и вышел.

— В восемь?

— Да.

— А после девяти ты понял, что её нет?

— Когда вернулся. Люк уже был на улице. Я увидел Майлза, они…

— Ты не был здесь.

— Нет.

Она встала. Не потому, что хотела уйти. Сидя, надо было держать ноги под столом, а ей вдруг стало невозможно терпеть его край над коленями.

Адам тоже начал подниматься.

— Сиди.

Он сел.

Ханна прошла к задней двери. На низкой полке стояла зелёная тарелка. Она взяла её, посмотрела на скол и вернула обратно.

— Ты сказал, что оставался дома. Тогда. Это есть в бумагах?

— Есть.

— Где?

Он нашёл лист, положил перед её стулом. Ханна вернулась, но не села.

Слова были короткими. Примерное время возвращения Уиллы, затем промежуток до того, как обнаружили отсутствие. Подпись Адама внизу. В тексте он находился в доме.

Она прочла дважды. Он не пытался забрать лист или объяснить раньше, чем она закончит.

— Ты это подписал?

— Да.

— И мне говорил.

— Да.

Ханна положила ладонь на бумагу, закрыв подпись.

— Почему?

Адам долго не отвечал. Она позволила ему не отвечать — не из доброты. Хотела услышать именно ответ, который он в конце концов выберет.

— Сначала я говорил, что был дома, когда она вернулась. Это было правдой. Потом меня спросили, заметил ли, как снова вышла. Я сказал, нет. А когда дошли до моего времени… Я уже понимал, что оставил её одну. Мне казалось, если произнесу, ты больше никогда…

Он остановился, посмотрел на закрытую ладонью подпись.

— Я испугался. Не исправил. Потом всё, что я рассказывал, держалось на этом.

Ханна убрала руку.

— Ты решил, что мне будет лучше думать, будто она вышла из дома, пока ты рядом и не заметил.

— Я не выбирал, что лучше тебе.

— А что ты выбирал?

— Что мне удастся сказать.

Из куртки на соседнем стуле раздалась вибрация. Телефон Адама двигался по деревянному сиденью. Он не потянулся к нему.

Ханна вспомнила, как в первую ночь после больницы Адам сидел на лестнице. Она думала: он смотрит на ступени, по которым дочь прошла в последний раз. Теперь в этом воспоминании появилась сумка с инструментом, которую он унёс из дома. Ханна сама не видела сумки. Могла только поместить её туда, где прежде оставляла пустое место.

Это было страшнее, чем новое фото. Она больше не знала, какие части собственного прошлого строила из чужих слов.

— Во сколько ты уехал?

— После восьми двадцати, примерно. Надо поднять заказ. У Майка должны остаться записи.

— Примерно сколько тебя не было?

— Минут сорок. Может, больше. Я не стану сейчас угадывать точнее.

— Подними.

— Подниму.

— И в полицию это скажешь. Не только мне.

Адам кивнул.

— Я позвоню завтра. Сегодня тоже могу, если ты…

— Не если я. Сам.

Он взял свой телефон со стула. Вышел в прихожую, но не закрыл дверь. Ханна слышала, как он просит объяснить, с кем можно связаться, чтобы исправить прежнее показание о несчастном случае. Назвал имя дочери. Потом своё.

Она села. Чайник давно вскипел и выключился. В кружках так и не было воды.

Когда Адам вернулся, у него был записан номер и время, когда перезвонить человеку, поднимавшему старый материал. Он положил бумажку рядом с папкой. Не произнёс ничего о том, что сделал первый шаг.

— Я не знаю, что было бы, если бы ты остался, — сказала Ханна.

Он посмотрел на неё почти с надеждой. Она увидела это и почувствовала усталую злость.

— Я не оправдываю тебя. Я действительно не знаю.

Адам опустил глаза.

Она придвинула к себе папку. Слово «несчастный» по-прежнему стояло в заключении. Отсутствие отца не делало его ложным и не отвечало, зачем Уилла оказалась у воды. Но теперь существовало время, в котором ребёнок мог вернуться, снова уйти, постучать к кому-то ещё. Раньше Ханна держала перед собой закрытую дверь и отца по другую сторону. Отца там не было.

В дверь позвонили.

Бет стояла на крыльце с маленьким ящиком яблок. Увидела Адама, не улыбнулась и не перестала входить. Подняла ящик выше, чтобы не зацепить замок.

— Достались со стульями. Сами стулья, если кому интересно, отвратительные.

— Поставь здесь, — сказала Ханна.

Бет посмотрела на пустые кружки.

— Чаю налить?

— Да.

Она не спросила, о чём они говорили. Адам помог ей переложить яблоки на поднос, и Ханна на несколько секунд оставила их у раковины. В гостиной достала большой лист плотной бумаги, на котором собиралась когда-то обвести новую полку. На обратной стороне провела изогнутую линию и поставила восемь номеров.

Четыре. Шесть. Восемь. Десять. Двенадцать. Четырнадцать. Шестнадцать. Восемнадцать.

Возле первых двух нарисовала квадраты. Возле десятого — вопрос.

Адам сел сбоку от неё. Бет поставила кружки и осталась стоять.

— Запись Уордов у нас есть? — спросил он.

— Кадр. Сам файл завтра. Они просили не приходить сегодня.

Ханна написала возле десятого «кадр». Возле восьмого оставила пусто.

— У Причардов тоже дверь с камерой, — сказала Бет. — Я видела, когда Дениз просила оставить коробку. Это не значит, что там что-нибудь снялось.

— Я знаю.

У двенадцатого стояла старая кнопка звонка и маленькая камера над гаражом, у четырнадцатого — круглая линза рядом с номером. У Кина Ханна ничего не помнила.

Адам взял карандаш, потом положил на место.

— У Говарда сбоку. Снимает его дорожку. Не всю улицу.

Ханна поставила отметку другим значком.

На листе быстро возникла карта людей, у которых она должна была попросить ещё одну вещь. Прошлой ночью просьбы не казались большими. Теперь она видела их сразу семь.

— А здесь? — спросила Бет и коснулась восемнадцатого.

— Никогда не было, — сказала Ханна.

Она оставалась единственным человеком, который смотрел на собственную дверь только снаружи или изнутри. Даже если Уилла приходила сюда двадцать шестого, запись об этом не существовала.

Адам сказал, что может поставить камеру. Ханна покачала головой.

— Сегодня мой телефон. Завтра куплю, если решу.

Он ничего не возразил.

Они придвинули к узкому окну у входа маленький столик. Ханна закрепила телефон на подставке для книги, включила запись. Адам вышел на крыльцо. Она увидела его в экране, потом подняла голову и увидела самого. Выключила свет в прихожей, чтобы стекло меньше отражало комнату. Лампу снаружи оставила гореть.

Бет проверила, что дверь не заденет столик.

— Ты будешь всё время смотреть?

— Не знаю.

— Тогда сначала поешь.

В восемь Ханна села у окна с тарелкой супа на коленях. Есть ей было неудобно. Она несколько раз переставляла ложку из одной руки в другую, пока Бет не положила на подоконник полотенце.

Адам оставался в кухне. Он не просил остаться на ночь и не спрашивал, как теперь будет. Когда его позвали к двери, только подошёл и встал за ними.

В восемь одиннадцать телефон Ханны записывал её пустое крыльцо. Адам посмотрел в свой телефон.

— У Аарона снова, — сказал он.

До его дома было всего несколько минут. Ханна могла выйти прямо сейчас. В третий раз Уилла ждала там, где её можно было увидеть, а она сама сидела здесь, перед пустой дорожкой. От этой возможности пришлось отказаться заново.

Ханна не пошла туда.

Она смотрела на светлый прямоугольник перед собственной дверью. Тот не менялся. На дорожке лежало яблоко, которое выпало из Бетиного ящика; никто из них не заметил его раньше. Бет наклонилась было поднять, потом осталась у окна.

Пришло сообщение Прии: у них опять.

Ханна показала его Адаму. Он кивнул.

В восемь двадцать пять у Уордов по-прежнему никого не было дома. В половине девятого подъехал второй автомобиль с незнакомым номером и медленно прошёл вдоль изгиба. Люк Беннетт вышел к бордюру, поговорил с водителем. Тот отъехал.

В восемь сорок три Ханна остановила запись. Телефон нагрелся в подставке. На нём оставалось место, батарея была наполовину; причиной остановки не стало ни то, ни другое.

Адам посмотрел на неё.

— Завтра ещё проверим, — сказала она.

Не прозвучало как обещание.

Бет взяла её тарелку и унесла в кухню. Там открылась вода, звякнули две ложки. Адам собрал бумаги обратно в папку, но оставил на столе лист со своим прежним показанием.

Когда ушёл, Ханна подняла яблоко с дорожки. На боку была вмятина. Она отнесла его внутрь и положила рядом с остальными, запомнив, какое надо разрезать первым.

Глава 9. Лестница Хейл

В семь двадцать Элена Уорд открыла дверь с мокрым полотенцем на плече. Волосы у неё были сухими; полотенцем она вытирала собаку, которая торчала носом из-за её ноги.

— Не бойтесь. Она только пачкает.

Собака ткнулась в колено Ханны и оставила на ткани тёмное пятно.

— Я не боюсь.

— Тогда проходите. Только ненадолго, нам через полчаса выезжать.

Внутри дома было светлее, чем Ханна помнила. У Джо Хейл возле лестницы стоял высокий шкаф с тарелками; теперь на стене висели велосипеды. Один взрослый, другой чуть меньше. Под ними — две пары рабочих туфель и миска для собаки.

Ханна знала, что Уорды живут здесь второй год. Они встречались у почтовых ящиков, однажды делили мешки с солью для дорожки. Всё остальное она достраивала из того, как они выносили мусор и закрывали окна перед дождём.

С кухни вышла Джулс в рубашке с закатанными рукавами. В одной руке у неё был кусок тоста, в другой — пластиковая крышка от контейнера.

— Доброе утро. Прошу прощения за пост.

Ханна посмотрела на неё.

— Я про снимок. Это я выложила. Хотела понять, не пропал ли чей-то ребёнок. Не знала, что у Аарона тоже.

— Я не пришла вас ругать.

— Возможно, следовало бы.

Джулс положила крышку на полку и сразу подняла обратно, увидев собаку.

— Вчера у нас двое на ступенях сидели. Не девочка, двое взрослых. С телефоном. Когда приехали, ещё спросили, можно ли встать у двери.

Элена повесила полотенце на спинку стула.

— Сегодня после работы я хочу приехать домой. И остаться дома. Это всё.

— Я понимаю, — сказала Ханна.

Понимать было легче, пока не требовалось попросить то, ради чего она пришла.

Они сели у небольшого стола рядом с окном. Элена открыла приложение. На экране появилась нынешняя дверь — светлая, без узкого почтового отверстия внизу. Камера захватывала ступени почти целиком. Ханна увидела сначала тарелку для воды, потом девочку, присевшую перед дверью.

Не на коленях. Уилла стояла на корточках, придерживая край дождевика, чтобы тот не лёг в грязь. Наклонялась к гладкому полотну. Стукнула костяшками, оглянулась через плечо.

— Джо? — позвала она.

У Ханны свело лицо. Имя произнесено было очень буднично — чуть недовольно, как если бы женщина опять забыла надеть аппарат и девочке приходилось повторять.

— Джо!

Элена выключила звук.

— Так звали прежнюю хозяйку?

— Да.

— Я знала имя в документах. Не подумала сразу.

Ханна указала на дверь.

— У неё была щель для писем. Внизу. Уилла с ней через неё говорила. Джо не всегда слышала звонок, а из кухни могла увидеть, что кто-то у двери. Тогда она шла сюда.

— Здесь?

Элена коснулась экрана в месте, где девочка наклоняла голову.

Ханна кивнула.

— Мы дверь сменили прошлой весной, — сказала Джулс. — Старая снизу гнила. Фотография осталась, когда покупали. Надо найти, если нужно.

— Найдите, пожалуйста.

Джулс поднялась за телефоном. Ханна продолжила смотреть. Уилла ждала дольше, чем у Аарона. В какой-то момент на экране показалась ладонь, распрямлённая у колена. Потом девочка поднялась, покачнулась на затёкших ногах и ушла вниз со ступеней.

Ханна знала, как Уилла вставала с корточек: слишком резко, как будто на твёрдом полу можно было сделать прыжок. Она хотела попросить ещё раз. Не попросила.

Над записью стояло 20:25. Время в полученном Эленой уведомлении было таким же.

— Это когда?

— Позавчера. Во вторник. Я вчера утром увидела, но только вчера вечером открыла целиком. В тот день у нас в школе аврал был, всё приходило подряд. Мне только и нужны были уведомления, что собака выскочила или принесли пакет.

— А двадцать шестое? Понедельник?

Элена пролистала.

— Там тоже есть что-то похожее. Я не всё успела.

Ханна придвинула ладонь к телефону и остановила себя.

— Можно сохранить оба вечера? И мне получить копию. Саму запись, как есть.

Элена посмотрела на Джулс. Та вернулась с фотографией старой двери. Почтовое отверстие было на месте, точно под рукой Уиллы. Ханна вспомнила, как девочка опускала туда пластмассовых улиток, чтобы Джо не скучала открывать настоящие письма.

— Мы не против копии, — сказала Элена. — Я только не хочу, чтобы потом выяснилось, что кому-то можно заходить в наши камеры, раз у нас это снялось.

— Никто не будет. Я могу дать номер Лии. Она работает с такими… с записями. Но решаете вы.

— Дайте.

Джулс подвинула к ней свой телефон, чтобы записать номер. На нём лежали фотографии собаки в корытце, велосипедной цепи и раковины, которую они выбирали для ванной. Новая жизнь дома 10 была полна вещей, не имевших отношения к Джо и Уилле.

Ханна смотрела на старую дверь и не могла перестать ощущать, что опоздала к человеку, который раньше всегда был здесь. Джо умерла два года назад. Она помнила похороны, букет с длинной белой лентой, который они с Бет несли вдвоём. На ленте печатали чужое ошибочное сокращение имени, и Бет исправляла его тонким маркером прямо в машине.

Женщина, которая могла бы рассказать, слышала ли стук, ничего больше не расскажет. Вместо неё две новые хозяйки просили разрешения не быть частью этой истории.

— Вы тогда её не знали, — сказала Ханна.

— Нет, — ответила Джулс. — Уиллу? Нет.

— И здесь не жили.

— Нет. Мы жили в Карлайле. Переехали из-за работы Элены.

Ханна посмотрела на изображение дочери у их двери. Нельзя было назвать это возвращением к людям, которые помнили её. Дочь стояла перед домом незнакомцев и звала умершую женщину.

Телефон Ханны завибрировал на столе. Она перевернула его, не читая.

Элена закрыла приложение.

— Скажите, пожалуйста, что вы хотите от нас вечером.

Вопрос был задан без раздражения. Так спрашивали о тяжёлом предмете, который собирались поднимать вместе: с какой стороны взять.

— Я хочу постоять там, — сказала Ханна. — Снаружи. Посмотреть, придёт ли опять. Не буду снимать вас или окна. Если вы разрешите.

— На тротуаре вы и так можете стоять, — сказала Элена. — Но я не хочу, чтобы остальные решили, что у нас встреча.

— Я никого не позову.

— Если девочка действительно будет у двери, я выйду. Спрошу, как её зовут и где взрослые. Сразу говорю. Не буду сидеть в доме и ждать, пока её снимут все желающие.

Ханна открыла рот и закрыла.

Ей хотелось сказать: я сама выйду. Я первая поговорю. Не пугайте её.

Но она не могла одновременно просить проверить, настоящий ли это ребёнок, и запрещать человеку помочь ему.

— Хорошо, — сказала она.

Элена поднялась.

— Извините, мне надо собаку закончить.

Джулс проводила Ханну к двери. На лестнице собака зацепилась полотенцем за нижнюю перекладину, дёрнулась и села. Джулс освободила её одним движением.

— Я не хотела делать из вашей дочери новость, — сказала она.

— Я знаю.

Ханна поймала себя на том, что теперь часто отвечает так, даже когда не знает ничего о другом человеке. Посмотрела на Джулс внимательнее.

— Спасибо, что вы мне показали.

Джулс взялась за ручку, но в кармане у неё зазвонил телефон. Она прочла имя и вернулась к столу.

— Да, у меня, — сказала она. — В пятницу после четырёх. Как договаривались.

Из прихожей Ханна видела три плоские коробки, поставленные ребром между велосипедами и стеной. На ближайшей был нарисован карандашом воротник. До звонка она принимала их за упаковку от полок.

Джулс перестала теребить пластиковую крышку.

— Кто вам так сказал?

Она слушала, глядя на контейнер. Тост, который собиралась в него убрать, лежал отдельно на блюдце.

— Нет. Никакого показа. Костюмы забирают в пятницу. И я не знаю, кто эта девочка.

Ханна сунула руки в карманы. Ей захотелось поправить Джулс. Уилла. Но дочь узнала она сама. Джулс видела девочку перед дверью.

— Я напишу вам, где забрать, — сказала Джулс. — Да, до обеда.

Она закончила разговор и прижала крышку к контейнеру. Один угол остался открытым.

— Мы собирали костюмы на обмен в школе. Эти оставили у нас, потому что в прошлую пятницу не успели разобрать. Я обещала выдать остаток тем, кто записался. Теперь спрашивают, можно ли прийти попозже, когда начнётся.

— Что начнётся? — спросила Элена.

— Девочка на лестнице. Мой снимок кому-то прислали с подписью про школьный вечер.

Элена сдёрнула полотенце со стула. Собака поднялась и сразу села снова.

— Мы можем просто отдать коробки. Днём.

— Можем. Но я дала наш адрес тем, кто записался. Теперь его дают и другим.

— Я не хочу в пятницу искать, куда уйти, если люди решат, что мы их ждём.

— Я не прошу тебя уезжать.

Элена поднесла полотенце к собаке, но та отвернула голову.

— Я не хочу, чтобы ты ещё и коробки за меня раздавала, — сказала Джулс.

Они обе посмотрели на контейнер. Джулс нажала на угол ладонью, и крышка наконец села.

— Я узнаю, можно ли оставить коробки у школьного входа после занятий, — сказала она. — Сама развезу то, что не заберут.

— Машина в пятницу нужна мне.

— Тогда у входа постою подольше. Остаток привезу в субботу.

Элена ничего не ответила. Отнесла мокрое полотенце к раковине.

Ханна вспомнила, как сама просила людей не приезжать к домам. Слова уже были в группе. Если повторить их, можно было опять поставить адрес и девочку рядом в одном сообщении.

— Я могу попросить закрепить ваше объявление, когда вы узнаете про вход, — сказала она.

Джулс опустила взгляд на экран. Большим пальцем сдвинула уведомление, не открывая.

— Я сначала напишу тем, кто записывался. В группе напишу, что это я выложила кадр с нашей дверной камеры. И что школьного вечера у нас нет. Больше ничего про девочку.

— А имя?

Джулс посмотрела на неё.

— Для чего им имя?

Ханна могла ответить: чтобы перестали придумывать. Но под другим снимком уже написали фамилию Уиллы, и люди не перестали придумывать. Она отпустила дверную ручку. Не заметила, когда взялась за неё.

— Хорошо, — сказала она.

Джулс подняла первую коробку, чтобы прочесть надпись на нижней. Оттуда выскользнула ткань с рядом серебряных пуговиц. Элена подхватила край прежде, чем по нему прошла собака.

— Это куда? — спросила она.

— Наверх. Этот уже отложен.

Элена заправила рукав внутрь и поставила коробку поверх остальных.

На улице Ханна остановилась возле средней ступени. Тёмное пятно было не грязью: в бетон когда-то попала железная деталь и заржавела. Уилла в записи опиралась рукой рядом с ним. Ханна приложила ладонь к холодному бетону, потом поднялась и отошла к обочине.

Люк Беннетт выносил из дома коробку. Увидел её у Уордов и остановился, придерживая ногой дверь.

— Ханна. Ты минуту можешь?

Она перешла к его дорожке.

— Я в группе писать не собираюсь, — сказал он. — Там теперь каждый специалист. Просто у меня тоже есть.

Он поставил коробку на ступеньку. Внутри лежала старая люстра с обрезанными проводами.

— Дебора просмотрела. Говорит, девочка у нас стояла. Я посмотрел — да. Она самая. Но ты сначала сама.

Ханна достала телефон, потом убрала.

— Ты можешь сохранить? Не сейчас показывать, если надо уходить. Я дам номер обращения. Данн сказала, туда можно передать.

— Да зачем через них, я же тебе могу.

— Можешь. Только сначала сохрани.

Люк снял очки и протёр их краем рубашки.

— Ты думаешь, это кто-то делает?

— Я не знаю.

— Я тоже. Но если она ходит по домам, должна же где-то жить. Понимаешь, о чём я?

Ханна кивнула.

— Понимаю.

У его крыльца было две ступеньки. У Грантов — деревянный пандус сбоку. У Кина дверь не просматривалась из-за крытого тамбура. У своей Ханна вчера сидела почти час, а дочь туда не пришла.

Она вернулась домой и нашла на столе карту. Возле десятого вопрос заменился датой. Возле двенадцатого появился маленький квадрат с именем Деборы.

Восемнадцатый был обведён один раз. Она обвела ещё раз, сильнее, надорвав карандашом бумагу.

На телефоне лежало непрочитанное сообщение Адама: ему дали время прийти и исправить показание. Он запросил у Майка старый заказ и историю звонков, не получил пока ни того ни другого.

Ханна ответила только на первую часть: «Хорошо».

Потом написала Элене: «В восемь двадцать буду у тротуара. Если передумаете, скажите».

Отправив, выключила экран. До вечера оставалось больше десяти часов. Впервые за три дня надо было решить, чем заполнить время, когда дочь нигде не ждала перед дверью.

Глава 10. Не тот ответ

На работу Ханна вышла к одиннадцати. Старшая спросила, нужно ли ей сегодня уйти раньше. Ханна сказала, что не знает, но постарается предупредить до пересменки.

Ей дали место подальше от окна приёма. Она разбирала накопившиеся бумаги, сверяя даты и отметки с журналом, и только один раз перепутала день недели. В телефоне она выключила звук уведомлений группы. Звонок Адама, Бет и сестриного рабочего номера оставила.

Бет приехала в её перерыв с пустым ящиком. Яблоки закончились; теперь в нём лежали два сэндвича и пакет с салфетками.

— Ящик верну, — сказала она, ставя его на скамью у стоянки. — Не хочу, чтобы ты думала, будто он теперь тоже твой.

Они сели рядом. Ветер двигал над головой рекламный флаг, который из-за порыва всё время оборачивался вокруг древка. Бет сняла резинку с упаковки и натянула себе на запястье.

Ханна посмотрела на резинку.

— Она точно так носила.

Бет проследила за взглядом, потом молча сняла её и положила в ящик.

— Не надо убирать, — сказала Ханна.

— Знаю. Всё равно колется.

Они открыли еду. В сэндвиче Ханны было слишком много горчицы. Она сняла верхний кусок хлеба, и Бет подала ей другую салфетку, не предложив поменяться.

— Адам звонил, — сказала Бет.

Ханна перестала вытирать хлеб.

— Что рассказал?

— Сказал, что ты узнала про его отъезд. Что в полицию позвонил. Больше ничего.

— Тебе он раньше говорил?

— Нет.

Ханна посмотрела на стоянку. Между машинами женщина пыталась одной рукой удержать дверь, другой застегнуть куртку ребёнку.

— Я бы сказала тебе, — произнесла Бет.

Ханна кивнула. Убеждать её в этом не требовалось, но вопрос всё равно хотелось задавать каждому.

— Я не хочу сейчас про него, — сказала она.

— Хорошо.

Сестра убрала телефон в карман и откусила сэндвич с того края, где всё держалось крепче. Ей всегда удавалось начинать с правильной стороны. Ханна съела половину начинки отдельно и положила хлеб обратно в бумагу.

— Помнишь, она говорила, что будет строить аттракционы?

— Она говорила, что будет брать деньги за спуск, — ответила Бет. — Строить должен был Адам.

Ханна улыбнулась.

— Там была ещё плата за возврат шариков.

— И за второй спуск тем, кто первый раз проиграл.

В одно из воскресений Уилла расставила в гостиной длинные картонные желоба. Один заканчивался в кастрюле, другой — в обувной коробке. Участникам доставались стеклянные шарики из большой банки. Уилла выбирала себе зелёный с серебристым завитком; чужие считала «учебными» и выдавала по одному.

Бет помнила, что её шарик застревал на втором изгибе. Уилла каждый раз с важным видом исправляла трассу, а перед собственным спуском незаметно приподнимала коробку.

— Ты тогда так орала, — сказала Ханна.

— Я не орала. Я требовала спортивной комиссии.

— Ты сказала, что у неё вся система жульническая.

— У неё и была вся система жульническая. Она заставляла меня ещё и платить за починку.

Уилла спорила долго. Она объясняла, что владельцу положено знать устройство лучше, чем гостям. Потом Ханна забрала банку и сказала, что теперь меняются дорожками. Девочка надулась, села под стол и объявила аттракцион закрытым на ремонт.

Полчаса спустя выползла обратно и спросила, не хотят ли они посмотреть, как всё-таки правильно запускать шарики.

Ханна смеялась. На этот раз спокойно, с набитым ртом, и пришлось прикрыть его салфеткой.

— Она так сердилась, когда не соглашались восхищаться, — сказала Бет. — А потом показывала сначала, вдруг со второго раза понравится.

Ханна вспомнила колени дочери под столом, рваный край носка, палец с синей краской, которым та поправляла желоб. В той сцене не было дождевика. Никто не собирался уходить.

Она доела сэндвич и сложила бумагу в ящик.

— Я хочу задать ей один вопрос, — сказала она.

Бет не попросила объяснить, о ком речь.

— Какой?

— Не про то, что было. Что-нибудь наше. Чтобы она ответила мне, а не человеку за дверью.

— Ты ей уже говорила.

— Я звала. Это другое.

Бет посмотрела на часы. До конца перерыва оставалось пять минут.

— Ты можешь спросить, — сказала она. — Я не знаю, что тогда будет.

Ханна ждала ещё чего-нибудь, хотя сама ненавидела, когда её готовили к ответу заранее.

— Ты ведь не поедешь туда одна?

— Аарон будет снаружи. Я попросила. И у Уордов договорилась постоять на тротуаре. На их записи восемь двадцать пять, я приду раньше.

— А у Аарона?

— В восемь одиннадцать.

Бет взяла ящик за обе короткие стороны.

— Я после работы позвоню. Не забудь поесть ещё раз. Это был не ужин.

Ханна помогла ей дойти до машины и вернулась к своему входу. На двери висела распечатка о проверке пропусков. Она достала карточку заранее, чтобы не искать, когда подойдёт.

Марк стоял у её стола с листом расписания. Палец просунул в дырку от дырокола и крутил лист, пока она убирала карточку.

— Завтра ты как?

— Пока не знаю.

Он перестал крутить.

— Выйдешь или нет?

— Выйду. Я про вечер.

— До половины восьмого?

Ханна посмотрела на свой телефон. Слушать ещё один вопрос про завтра было трудно: она не знала, что случится сегодня в восемь одиннадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.